

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЕЛМУРАТОВА САЁРА АБЫЛЛАЕВНА

**СПЕЦИФИКА ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ПРОИЗВОДНЫХ
КОНКРЕТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(Часть I)**

Нукус - 2016

Рекомендовано Учебно-методическим советом Нукусского
Государственного педагогического института имени Ажинияза от 15.04.2015

В данном научном пособии описаны типы мотивации производных конкретных существительных современного русского языка, выявлена специфика внутренней формы как важнейшего элемента семантики производных конкретных существительных, показана зависимость внутренней формы производных конкретных существительных от совпадения или расхождения «семантического индекса» тематической группы и словообразовательной категории. Определенное внимание уделено теоретическим аспектам внутренней формы слова.

Научное пособие предназначено для бакалавров, магистров, докторантов филологических факультетов.

Рецензенты: проф. К.М. Кошанов, доц. А.Ж. Алламуратова

Ответственный редактор: к.ф.н. Д.О. Доспанова

Нукус 2016

ВВЕДЕНИЕ

Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов отмечает: «Одним из главных приоритетов реализации идеологии национальной независимости является формирование духовно богатой и нравственно цельной личности, обладающей независимым мировоззрением и самостоятельным мышлением, опирающейся на бесценное наследие наших предков и общечеловеческие ценности» [И.А.Каримов 2000, с. 65].

Большую роль в формировании духовно богатой личности, как и в подготовке квалифицированных кадров играет блок гуманитарных дисциплин, в том числе и лингвистика, которая характеризуется в настоящее время множеством направлений. В целом, однако, можно констатировать смену научных приоритетов: осуществлен переход от лингвистики системно-структурной, связанной прежде всего с лингвистикой Ф. де Соссюра, к лингвистике антропоцентрической, основы которой заложены В. фон Гумбольдтом. Эта модель лингвистики тесно связана с лингвокультурологией и исследованием языковой картины мира, что в свою очередь неразрывно связано с исследованием разных аспектов духовности народов Узбекистана. В настоящее время является общепризнанным, что понятие языковой картины мира тесно связано с учением В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка.

В собственно лингвистическом плане полностью сохраняет свою актуальность исследование различных аспектов семантики и функционирования языковых единиц разных уровней, в том числе и словообразовательного. Словообразование (дериватология) относится к числу тех направлений лингвистики, которые активно развивались во второй половине XX века. Однако при изучении словообразовательной системы в рамках аналитической модели вне поля зрения исследователя оставались многие аспекты системной организации словообразовательного яруса, а также его взаимодействие с лексическим и грамматическим ярусами, между тем как именно исследование межъярусных взаимодействий является основой

функциональных исследований. «Производное слово отличается от слова непроизводного наличием у него особого вида значения – словообразовательного значения (СЗ). Это положение считается общепризнанным в дериватологии. Однако само понятие СЗ не нашло еще в науке четкого определения» [Земская 2005, с. 17].

Особенно актуально, на наш взгляд, исследование словообразовательных категорий (СК) конкретных производных существительных – ядра данной части речи, обладающих сложной семантической структурой, специфической организацией внутренней формы (ВФ) и недостаточно изученных по сравнению с другими разрядами производных слов русского языка.

Словообразовательный ярус был предметом активного изучения в русистике, начиная со второй половины XX века, что отражено в трудах В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, Е.А.Земской, Е.С.Кубряковой, В.В.Лопатина, В.М.Никитевича, П.А.Соболевой, А.Н.Тихонова, И.С.Улуханова, А.Г.Шереметьевой, Е.А.Шмелевой, М.Н.Янценецкой и мн.др. Об активизации исследований по словообразованию, углублении его проблематики свидетельствуют исследования последнего десятилетия, причем в поле зрения исследователей попадают прежде всего вопросы словообразовательной семантики: см. работы Н.Ф.Алиференко, Л.А.Араевой, Г.В.Беляковой, Г.Н.Долженко, М.И.Задорожного, В.Н.Мусатова, О.В.Нагель, Е.С.Кубряковой, Н.Е.Петровой, З.А.Харитончик, и др.

Понятие внутренней формы слова явилось результатом интерпретации понятия ВФ языка, разработанной В. фон Гумбольдтом, в трудах А.А.Потебни.

Это понятие безусловно признается как базовое для лексикологии и словообразования, с одной стороны, а с другой – трактуется многими лингвистами в самых разных, зачастую несовместимых аспектах, от признания внутренней формы этимологом, т.е. первичным, историческим мотивом наименования в слове, непроизводном в данное время, до отождествления ВФ и словообразовательного значения.

Поэтому представляется необходимым дать обзор наиболее распространенных концепций внутренней формы слова и показать специфику ВФ производных конкретных существительных – наиболее идиоматичного класса производных слов.

Источники фактического материала:

1. Обратный словарь русского языка / Под ред. А.А.Зализняка. – М.: СЭ, 1974.
2. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х тт. – М.: Русский язык, 1985.
3. Как источники фактического материала и уточнения дефиниций производных конкретно-предметных существительных привлекались толковые словари русского языка и выпуски «Новое в русской лексике» (1978-2004 гг.)

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ

ВЗ – вещественное значение

ВФ - внутренняя форма

КЗ – категориальное значение

ЛГР – лексико-грамматические разряды

ЛСГ – лексико-семантические группы

ПКС – производные конкретные существительные

ПС – производное слово

СГ – словообразовательное гнездо

СЗ – словообразовательное значение

СК – словообразовательная категория

СП – словообразовательная парадигма

ТГ – тематические группы

ЧР – части речи

РАЗДЕЛ 1. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

1.1. Концепция внутренней формы языка В. фон Гумбольдта

Понятие внутренней формы слова базируется на понятии внутренней формы языка В. фон Гумбольдта, который чрезвычайно высоко оценивал общее понятие формы в языке. Форме языка дается следующее определение: «Постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка» [Гумбольдт 1984, с. 71]. Соотношение между формой языка и конкретной языковой формой определяется так: «Характерная форма языка отражается в его мельчайших элементах, и каждый из них тем или иным не всегда явным образом определен языковой формой» [Гумбольдт 1984, с. 71].

Гумбольдт подчеркивает, что «в абсолютном смысле в языке не может быть никакой неоформленной материи, так как все в нем направлено на выполнение определенной цели, а именно – на выражение мысли, причем работа эта начинается уже с первичного его элемента – членораздельного звука, который становится членораздельным благодаря приданию ему формы» [Гумбольдт 1984, с. 73].

Самый сложный вопрос в концепции Гумбольдта, касающийся ВФ языка, – существуют ли дословесные понятия, имеющие определенную структуру, которым звуковые оболочки слов и грамматические формы слов придают более четкий вид. Многие места итоговой работы В. фон Гумбольдта позволяют решить этот вопрос в положительном смысле, например: «...понятия должны отличаться четкостью и определенностью, что в большинстве случаев зависит от того, как обозначаются в данном языке грамматические формы» [Гумбольдт 1984, с. 344].

Гумбольдт подчеркивает подлинно творческий характер образования форм языка: «Обозначение понятия посредством звука представляет собой объединений вещей, которые по своей природе никогда не могут по-настоящему объединиться. Но понятие точно также не может быть отделено от слова, как человек – от черт своего лица. Слово есть индивидуальное оформление понятия, и если понятие отказывается от этого оформления, оно может появиться вновь, только в других словах» [Гумбольдт 1984, с. 110-111].

И в то же время Гумбольдт в присущих ему терминах «дух», «душа», «духовная жизнь» вновь и вновь подчеркивал изменчивую, текучую, творческую природу понятия, являющегося, как позволяет судить ряд высказываний автора, фрагментом «великого духовного богатства», относительно автономного от звуковой формы: «И все же душа постоянно стремится к обретению независимости от языковой сферы, ибо слово ограничивает ее внутреннее, все более обогащающееся восприятие и часто даже грозит удушить нюансы этого восприятия самой своей природой, более материальной в звуковом отношении и более общей в том, что касается значения. Душе приходится трактовать слово скорее как отправную точку для своей деятельности, а не замыкаться в его границах» [Гумбольдт 1984, с. 111].

Как отмечают исследователи творчества Гумбольдта, им не дана дефиниция внутренней формы слова, которую не следует смешивать с внутренней формой языка. Однако к понятию ВФ слова можно подойти через соотношение **слово – словарный запас – предложение – язык**. Гумбольдт подчеркивал, что «никоим образом нельзя рассматривать словарный запас языка как готовую, застывшую массу... словарный запас представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт словообразовательной потенции» [Гумбольдт 1984, с. 112].

Суммируя сказанное выше, можно считать ВФ слова частным случаем ВФ языка.

При анализе внутренней формы Гумбольдт обращал внимание на такие ее стороны, как связь с метафорой, возможность индивидуальных ВФ: «Фантазия

и чувство рожают индивидуальные образования..., с помощью которых данное может проявляться во все новых определениях» [Гумбольдт 1984, с. 101, 104].

В последнем высказывании, по нашему мнению, В фон Гумбольдт близко подошел к понятию пресуппозиции – одному из важнейших понятий современной семантики.

Очень существенным представляется высказывание о творческом характере связи понятия со словом: «Слово – не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь – главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета» [Гумбольдт 1984, с. 103].

Именно здесь заключается также источник разных ВФ для обозначения одного и того же предмета, в одном языке или в разных языках, вариативности, синонимии, изменчивости ВФ. «Поистине язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом в процессе языкотворчества» [Гумбольдт 1984, с. 103].

В. фон Гумбольдт, один из основоположников теоретического языкознания, разработал глубокую и целостную концепцию внутренней формы языка. Его дефиниции и высказывания относительно ВФ проникнуты идеей творческой деятельности человеческого мышления, воплощающейся в языке. ВФ, понятия интеллектуальные, не исчезают, а совершенствуясь в своем употреблении, передаются из поколения в поколение. С другой стороны, ВФ, «уловившие юношеский дух глубокой древности, следы которой донесены до нас языками, от повседневного употребления настолько стираются, что становятся едва понятными... В таком одновременно поступательном и возвратном движении языки оказывают то сообразное ходу прогресса воздействие, которое предоставлено им в великом хозяйстве человеческого рода» [Гумбольдт 1984, с. 107].

1.2. Учение о внутренней форме слова А.А.Потебни

В русской лингвистической науке именно благодаря концепции А.А.Потебни понятие внутренней формы было интерпретировано прежде всего как ВФ слова и как понятие этимологическое, этимон, первоначально положенный в основу наименования. А.А.Потебня отмечал, что в слове выделяется внешняя форма – членораздельный звук и ближайшее этимологическое значение, «способ выражения содержания», который тоже представляет собой форму, но только внутреннюю. По словам А.А.Потебни, «внешняя форма нераздельна с внутреннею, меняется вместе с ней, без нее перестает быть сама собой...

Внутренняя форма в самую минуту своего рождения изменяет и звук, и чувственные образ» [Потебня 1976, с. 175-180].

Внутренняя форма способна при восприятии возбуждать самое разнообразное содержание. Весьма ценно замечание А.А.Потебни о том, что «только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимания другого» [Потебня 1976, с. 180].

В работе А.А.Потебни «Мысль и язык» идея внутренней формы развивается в нескольких направлениях. Одно из высказываний как будто допускает и вполне синхронное толкование: «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутреннею формой последующего» [Потебня 1976, с. 116]. Это определение можно отнести как к ряду «этимологических состояний», так и к синхронной словообразовательной цепочке (например, **лить** → **разлить** → **разливать** → **разливщик** → **разливщица**), однако примеры, приводимые А.А.Потебней, свидетельствуют скорее об этимологическом понимании ВФ.

Очень интересен анализ примеров, приводимых Потебней в разделе своего труда, касающегося внутренней формы. Большая часть этих примеров – производные в современном русском языке слова **стол**, **око**, **облако**, **туча**, **радуга**, **язва** и под., так что поиски ВФ, естественно, сводятся к

этимологическому анализу. Именно по поводу этих слов он пишет: «В слове есть, следовательно, два содержания: одно, которое мы называли объективным, а теперь можем назвать ближайшим этимологическим значением слова, всегда заключает в себе только один признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. Первое есть знак, символ, заменяющий для нас второе... Первое содержание слова есть та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли. Поэтому, если исключить второе, субъективное, и как увидим сейчас, единственное содержание, то в слове останется только звук, т.е. внешняя форма и этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя» [Потебня 1976, с. 118].

Можно предположить, что ВФ, возникая как субъективное содержание, со временем становится объективной. Потебня писал, что «при создании слова мысль перестает быть собственностью самого говорящего и получает возможность жизни самостоятельной по отношению к своему создателю» [Потебня 1976, с. 165].

Рассматривая различие между ближайшим (народным) и дальнейшим (личным) значением, А.А.Потебня пишет: «Пустота ближайшего значения, сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия, служит основанием тому, что слово называется формой мысли... Ближайшее, или формальное, значение слова вместе с представлением делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга» [Потебня 1976, с. 164].

Иллюстрируется это примером слова **неклен**, причем А.А.Потебня, в частности, пишет: «Для обоих в приведенном примере отрицательная частица имеет одинаковый смысл, именно такой, как в отрицательных сравнениях: это **клен**, но в то же время и **не клен** и **не черноклен**. Для обоих словом **неклен** назначено для татарского клена одно и то же место в мысли подле обыкновенного клена и черноклена, но в каждом это место заполнено различно» [Потебня 1976, с. 164].

По нашему мнению, в данном случае речь идет об анализе ВФ производного слова с живой внутренней формой.

Анализируя пример наименования ребенком белого стеклянного шара арбузиком, А.А.Потебня отмечает: «Из значения прежнего слова в новое вошел только один признак, именно шаровидность. Этот признак и есть знак значения этого слова. Здесь мы можем назвать знак и иначе: он есть общее между сравниваемыми сложными мысленными единицами, или основание сравнения...» [Потебня 1976, с. 120].

Приводя данный пример А.А.Потебни, акад. Виноградов подчеркивает, «что признак шаровидности, извлеченный из значения слова арбуз и образует его внутреннюю форму, или представление» [Виноградов 1986, с. 20].

Таким образом, многие положения учения о ВФ А.А.Потебни приложимы не только к этимологическому, но и к синхронному словообразовательному анализу и к семантической деривации, переносу значений слова.

А.А.Потебня совершенно определенно утверждает, что сказанное Гумбольдтом обо всем языке можно применить к отдельному слову [см. Потебня 1976, с. 166], так что действительно есть основание считать ВФ слова частным случаем, или фрагментом, ВФ языка.

Много внимания Потебня уделяет диалектике внешней и внутренней формы: «Внешняя форма слова тоже есть не звук, как материал, но звук, уже сформированный мыслью, между тем сам по себе этот звук не есть еще символ содержания.

Если затеряна для сознания связь между внутренним звуком и значением, то звук перестает быть внешнею формою в эстетическом значении этого слова. Только при существовании для нас символизма слова (при сознании внутренней формы), его звуки становятся внешнею формою, необходимо требуемой содержанием. Чтобы различить внешнюю и внутреннюю форму, нужно найти такой случай, где бы потерянная эстетичность впечатления могла быть восстановлена только сознанием внутренней формы... значение слова имеет свою звуковую форму, но это значение, предполагающее звук, само

становится формой нового значения... Для уяснения внутренней формы нужно, чтобы образ, который прежде всего дается сознанию, заключал в себе указание на выражаемую им мысль» [Потебня 1976, с. 162-163].

Учение о ВФ изложено А.А.Потебней в главе X «Проза. Поэзия. Сгущение мысли», что глубоко закономерно, т.к. Потебня в слове находит «те же самые стихии», что и в поэтическом, вообще художественном произведении: содержание, внутреннюю форму, образ, который указывает на это содержание, и, наконец, внешнюю форму, в которой объективизируется образ [Потебня 1976, с. 165].

Понятие ВФ языка А.А.Потебня связывает с явлением апперцепции, с зависимостью восприятия от прошлого опыта, от запаса знаний и общего содержания духовной жизни человека. «Само появление внутренней формы, сама апперцепция в слове сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением, расширяя сознание, сообщая возможность движения большим мысленным массам» [Потебня 1976, с. 182]. (Об апперцепции Потебня пишет в главе VIII «Слово как средство апперцепции»: «При создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, происходящего по одним законам с созданием, полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается, т.е., одним словом, апперцепцируется... Апперцепция везде, где данное восприятие дополняется и объясняется наличным, хотя бы самым незначительным запасом других» [Потебня 1976, с. 105].

Психологическое понятие «апперцепция» коррелирует с лингвистическим понятием «пресуппозиция», которое уже упоминалось в разделе об учении о внутренней форме языка В. фон Гумбольдта.

А.А.Потебня пишет не только о сущности и формировании ВФ, но и о потере ВФ слова, забвении ВФ: «Важность забвения внутренней формы – в положительной стороне этого явления... оно есть усложнение, или сгущение мысли» [Потебня 1976, с. 182].

Однако забвение ВФ слова ведет лишь к появлению новой ВФ, т.к. Потебня подчеркивал, что ВФ является важнейшим признаком слова.

1.3. Современные концепции внутренней формы слова

В современном языкознании трактовка понятий «внутренняя форма слова» (шире – «внутренняя форма языка») связаны прежде всего с осмыслением и интерпретацией концепции В. фон Гумбольдта, а в русистике – и А.А.Потебни.

Практически во всех работах, связанных с исследованием семантики, лексики, словообразования, психолингвистики проблематика ВФ обязательно затрагивается, отражая точку зрения автора.

Разброс в понимании ВФ слова очень широк, от отождествления ВФ с понятием, или образом, положенным в основу наименования до понимания ВФ как морфонологической структуры.

Согласно определению О.Г.Ревзиной, ВФ – указание на лексический способ категоризации, без категоризации словообразовательной, которая дополняет лексическую; ВФ – вне словообразовательного уровня [см. Ревзина 1969, с. 60-61].

В противоположность вышеприведенному определению, многие лингвисты отождествляют ВФ и словообразовательное значение, например, Л.В.Сахарный пишет о деривационном значении (внутренней форме, словообразовательном значении) слова как обязательно членимой номинации [см. Сахарный 1985, с. 20].

Важно также определение соотношения ВФ и мотивированности значения слова. О.П.Ермакова и Е.А.Земская отмечают, что понятия ВФ и мотивированности близки, но не тождественны, «мотивированность содержит указание на принадлежность базового слова или словосочетания к той или иной части речи и семантической группе. Понятие ВФ вскрывает характер (природу) наименования [Ермакова, Земская 1985, с. 518].

Совершенно оригинально рассмотрение ВФ (в соотношении с внешней формой) Ю.С.Степановым: «Внутренняя форма рассматривается как взаимное ограничение всех единиц системы (форма имени, форма предложения), внешняя форма – как семиологическая система более низкого типа, чем та, формой которой она выступает. Форма имени внешняя – единица лексики, слова [Степанов 1981, 357, 398]. В другом месте своей монографии «Имена. Предикаты. Предложения» в связи с рассмотрением семантического согласования Ю. С. Степанов пишет: «Границы его заданы формой предложения, которая с семиологической точки зрения есть не что иное, как поверхностная часть содержания» [Степанов 1981, 250].

Итак, при общем согласии в важности и необходимости понятия ВФ в словообразовании и лексикологии, неясными остаются следующие вопросы: 1) Является ли ВФ понятием исключительно этимологическим, принадлежит ли она в плане изучения исторической лексикологии или может рассматриваться и как понятие синхроническое? 2) Обладают ли ВФ все полнозначные слова или только производные? 3) Если ВФ в синхронном понимании – принадлежность производного слова в отличие от непроизводного, обладают ли ВФ также и членимые слова? 4) Совпадает ли ВФ со СЗ? 5) Каково соотношение ВФ и мотивированности?

Очевидно, что никакого окончательного решения всех этих вопросов быть не может, т.к. ВФ – исключительно сложное и многоаспектное понятие, существует определенная динамика соотношения внешней и внутренней формы, возможность рассмотрения одного и того же явления как элемента то внешней, то внутренней формы.

Прежде всего, сам язык – форма по отношению к мышлению, мышление же, в свою очередь, форма отражения действительности. По отношению к мысли языковое значение есть форма.

По определению Д.Н.Шмелева, «Формой слова является его звуковое выражение и грамматическая структура» [Шмелев 1969, с. 5]. Однако по отношению к звуковой оболочке грамматическая структура содержательна.

Двойственность грамматической структуры позволяет ставить вопрос о ее соотношении с ВФ слова. Представляется, что грамматический род, который не только является средством выражения понятийной категории «пол», средством согласования разных частей речи и одним из параметров классификации лексики, составляет существенный компонент ВФ слова в русском языке. Так, женский род слова **жизнь** (ср. со средним родом в немецком языке) определяет и прямые, и переносные употребления данного слова, весь спектр его функционирования.

В то же время нельзя забывать о неразрывной связи значений (и их основы – понятий) и звуков: «В языке понятие есть свойство звуковой субстанции, также как и определенное звучание есть свойство понятия» [Соссюр 1977, с. 135].

Слово представляет собой форму (одну из форм) выражения понятия, его внешнюю форму.

В.В.Виноградов настаивал на том, что «внутренняя форма ни в какой мере не совпадает со значением слова..., хотя она и помогает уяснить идеологию и мифологию языка или стиля, связи и соотношения идей, образов и представлений в языке» [Виноградов 1986, с. 20].

В.В.Виноградов пишет: «По определению А.Марти, внутренняя форма слова есть «сопредставление» или «созначение», которое образует посредствующее звено между звуками и значениями. Это образный способ выражения того или иного значения, обусловленный психологическими или культурно-историческими особенностями общественной среды или эпохи» [Виноградов 1986, с. 20].

У Гумбольдта ВФ – посредник между понятием и звуком, у Виноградова – между звуком и значением, причем ВФ «потому и называется внутренними, что они не имеют постоянных чувственных индексов, они – подвижные и изменчивые формы смысла, как он передается или изображается» [Виноградов 1986, с. 21].

В.В.Виноградов вслед за А.А.Потебней связал ВФ со «сложными словесными композициями поэтического творчества», подчеркнул историческую изменчивость ВФ, их связь с эпохой, стилем, способом воззрения на действительность, а также участие в выражении ВФ оценочных моментов: «Во внутренних формах слова выражаются не только «толкование действительности», но и ее оценка... Само предметное значение слова до некоторой степени формируется некоторой оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменении значений» [Виноградов 1986, с. 20-21].

В.В.Виноградов не приводит примеров, свидетельствующих об этимологическом понимании ВФ, хотя сочувственно цитирует высказывание А.Марти, «где этимоны выражений! приравниваются к ВФ. Виноградовские примеры делятся на слова с переносным значением (**арбузик, тупое упорство**) и экспрессивные окказионализмы (**свинтусы, замарантусы** и под.). Это дает возможность предполагать, что понятие ВФ рассматривалось В.В.Виноградовым прежде всего как синхронное.

Л.А.Новиков эксплицитно связывает ВФ прежде всего с явлением многозначности: «Внутренняя форма слова наиболее явно обнаруживается в исходном (основном) значении, которое создает перспективу целостного восприятия лексической единицы, взаимосвязи внутренних форм значений в составе единого целого. Общность внутренних форм значений (или иначе: наличие у них общей внутренней формы) отчетливо выступает, например, в слове **«КОЛЬЦО»** [Новиков 1982, с. 184].

В одном из примеров ВФ связывается с метафорой: у разных значений слова вырезка общая ВФ – метафора: «то, что вырезано», в другом – ассоциативный признак трактуется как общность, единство внутренних форм [см. Новиков 1982, с. 201-203].

Л.А.Новиков обращает внимание на то, что в работе «Мысль и язык» и в более поздних работах А.А.Потебня дает несколько отличные определения ВФ: «А.А.Потебня, развивая идеи В.Гумбольдта, писал в работе «Мысль и язык» (1982), что слово, собственно, выражает не всю мысль, которая

принимается за содержание, а только один ее признак... В более поздних работах А.А.Потебни можно встретить и иное, более широкое определение внутренней формы как семантического содержания лексической или грамматической формы....» [Новиков 1982, с. 160-161].

О.Г.Ревзина подчеркивает важность внутренней формы слова, которую она рассматривает как способ лексической категоризации, прежде всего для производных поля вещи, связывая это с высокой степенью идиоматичности конкретных существительных [Ревзина 1969, с. 60-62].

«ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА – семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова. Внутренняя форма слова мотивирует звуковой облик слова, указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков. Выбор признака, лежащего в основе номинации, не обязательно определяется его существенностью, это может быть лишь бросающийся в глаза признак, поэтому в разных языках один и тот же предмет может быть назван на основе выделения разных признаков, напр. рус. «портной» (от «порты» «одежда»), нем. Schneider (от schneiden «резать»), болг. «шивач» (от «шия» «шить»).

Внутренняя форма слова может остаться ясной и вызвать положительное или отрицательное по эмоциональному восприятию ассоциативно-образное представление ("осел" – об упрямо-глупом человеке, "тащиться" – двигаться медленно и с трудом). Внутренняя форма слова, окрашивая лексическое значение экспрессивно, входит в коннотацию и изучается в лексикологии и стилистике. В результате исторических преобразований, происходящих в языке, внутренняя форма слова может быть затемнена или полностью утрачена... Воссозданием утраченной внутренней формы слова занимается этимология» [Лингвистический энциклопедический словарь 2005, с. 771-772].

Наиболее распространенным является понимание ВФ слова как мотивировочного (мотивационного) признака, положенного в основу

определенной номинации, однако отождествление мотивационного признака и внутренней формы производного слова представляется поверхностным решением сложной проблемы специфики семантики производного слова. Существует еще множество определений ВФ, обращенных к лексикологии или словообразованию [Немченко 1985, с. 8-11]. Наше понимание ВФ близко к ее трактовке Н.Е.Петровой «Внутреннюю форму слова логично рассматривать как двустороннюю, материально-идеальную сущность: смысловой образ, составляющий семантический план ВФ, должен быть объективирован морфемной структурой, который организует не только основа мотивированного слова, но и деривационный формант» [Петрова 2009, с. 9].

Однако, с нашей точки зрения, ВФ – это все же односторонняя, идеальная сущность, ядро лексического значения, которое, как и словообразовательное значение, абстрактно, идеально. В определении Н.Е.Петровой для нас ценно признание релевантности при выражении ВФ не только основы, но и всей морфемной структуры производного слова. Однако мы не можем согласиться с тем, что ВФ и есть морфо-семантическая структура слова (О.П.Блинова, Н.Д.Голев): по соотношению плана содержания и плана выражения ВФ относится к плану содержания, а морфемная структура – к плану выражения.

Л.А. Новиков сформулировал четкий критерий, позволяющий отличать внутреннюю форму от лексического и словообразовательного значения: «Значение – это то, **что** отражается данной лексической единицей; внутренняя форма – это то, **как** отражается в этой единице (в её значении) тот или иной факт действительности» [72, с. 161].

Это чрезвычайно важно для производного слова, которое, в отличие от непроизводного, представляет собой мотивированное наименование, причем эта мотивированность ПС выражена эксплицитно, через соотношение производящей базы и форманта. Например, слова **сумасшедший** и **умалишенный**, **душевнобольной** – это по сути слова одного лексического значения: «страдающий психическим расстройством», однако ВФ (иначе –

внутренний образ, положенный в основу наименования) у каждого слова индивидуальны (образ движения вниз, лишения, болезни).

Сведение ВФ к мотивационному (мотивировочному) признаку нам представляется неточным, т.к. все ПС, относящиеся к одной словообразовательной парадигме, реализуют один и тот же мотивационный признак, который, однако, по-разному интерпретируется в семантике разных производных, поэтому ВФ производного слова мы рассматриваем как интерпретацию мотивационного признака морфемной структурой. В отличие от словообразовательного значения, обобщающего производные слова в рамках словообразовательных типов и словообразовательных категорий, ВФ – это индивидуальный признак семантики ПС, что не препятствует возможности типизации однородных ВФ.

Поясним это на примерах фрагментов словообразовательных парадигм СГ **жать**, **желтый**, **вода**.

Мотивировочный признак на первой ступени всех этих СГ один и тот же: определенной целенаправленное действие, определенный цветовой признак, название определенного вещества. В зависимости от частеречной принадлежности производящего, типа деривации и словообразовательного значения ВФ может быть прозрачной, легко выводимой из лексического значения производящего и семантики форманта (например, **водица** –

«уменьшительное к **вода**»), или же мотивационный признак только намекает на вид или признаки денотируемого производным словом предмета, например, **ожинок**, вар. **обжинок** – «колос, оставшийся несжатым».

Высокой степенью идиоматичности отличается слово **желтуха**: во-первых, ни одна часть слова не указывает на болезнь, во-вторых, бывают и безжелтушные формы болезни Боткина, в просторечии именуемой желтухой.

В структуре лексем **желтуха**, **желть**, **желтяк** ни один компонент не указывает на денотаты «болезнь», «краска», «огурец», что свидетельствует об идиоматичном типе интерпретации мотивационного признака морфемными структурами. Ср. также: **желтизна** – «желтый цвет, оттенок»; **желтуха** – «болезнь печени, сопровождающаяся пожелтением кожи»; **желть** – спец. «желтая краска»; **желтяк** – «перезрелый желтый огурец».

Если семантизация синтаксического деривата **желтизна** фактически сводится к повторению производящего слова, то в производном слове **желтуха** семантика производящего оказывается лишь сопутствующим признаком. В сложных словах морфемной структурой интерпретируется два или более мотивационных признака (ср. **водогрязелечебница**, **водомаслозаправщик** и под.), однако распределение по тематическим группам и словообразовательным типам зависит прежде всего от форманта.

В докторской диссертации Н.Е.Петровой рассматриваются ВФ производных слов минимальной степени идиоматичности: синтаксические дериваты (имена действия и относительные прилагательные), прилагательные с суфф. **-ем/-им**, наречия, образованные от существительных и даже лексикализованные формы множественного числа [Петрова 2009], наш же материал представлен в основном «классическими» производными словами высокой степени идиоматичности, с неоднородным представлением ВФ через морфемные структуры.

В качестве наиболее существенных моментов характеристики ВФ слова вообще и ПС в частности приведем следующие. В организации ВФ производного слова важную роль играют категориальные значения, которые

существенны не только для морфологии, но и для словообразования и лексики. Категориальное, или общеграмматическое значение предметности, определяемое обычно негативно, через соотношение со значением «признак», является не до конца изученным в современном языкознании.

Главная сторона предметности, «существительности» – семантическая, категориальная, в соответствии с чем все существительные рассматриваются как слова, имеющие значение предметности: они называют субстанции – конкретные предметы или предметно представленные факты, события, явления, свойства, качества, понятия и действия.

Ядром существительных, эксплицирующим их предметную сущность, являются имена конкретного значения. В них отражены знания об объектах реального мира, их пространственных и вещественных характеристиках. Конкретная лексика обладает в основном идентифицирующим значением, т.е. функцией опознания, узнавания предметов и установлением тождества между именем и его референтом в конкретных речевых актах. Категориальное значение выражается не только парадигматической схемой и синтагматической связью данной части речи, но и семантикой корня (в непроизводном слове и при нетраспозиционном словообразовании), оно «подтверждается» словообразовательными формантами, большая часть которых в русском языке неразрывно связана с системой флексий. Именно поэтому системы словообразовательных формантов вносят существенный вклад в выражение категориального значения кардинальных частей речи.

Существительные относятся к ядру номинативных средств языка, ядром же самих существительных, эксплицирующим их инвариантную сущность, являются имена конкретного значения. В значениях слов, составляющих ядро имен существительных, выражены знания «первого эшелона»: «знания об объектах физического мира, об их пространственных и вещественных характеристиках».

Понятие класса конкретных существительных шире, чем понятие подкласса конкретно-предметных существительных, т.е. обозначений

собственно конкретных неодушевленных существительных. К конкретным (в оппозиции абстрактным) существительным часто относят вещественные существительные, конкретными являются названия лиц и животных.

Для правильного понимания специфики каждой части речи, в том числе и имен существительных, необходимо рассмотреть соотношение лексического, словообразовательного и категориального значений. С нашей точки зрения, наиболее подробно такое соотношение рассматривается в работах О.М.Ким. «Грамматическое слово в содержательном отношении – сложная единица. Оно представляет собой единство лексического (ЛЗ), словообразовательного (СЗ), категориального (КЗ) и грамматического (ГЗ) значений. ЛЗ выражается основой, СЗ – словообразовательным средством, КЗ – парадигматической схемой и синтагматической связью данной части речи, ГЗ – формообразующими элементами. ЛЗ выделяется в любом слове языка, как производном, так и непроизводном, СЗ – только в производных словах, КЗ – у всех слов в пределах данной части речи, ГЗ – в пределах любой словоформы. Из сказанного следует, что «сквозными» компонентами, которые охватывают все слова языка..., являются ЛЗ и КЗ, ибо любое слово что-то значит и принадлежит к той или иной части речи» [Ким 1978, с. 13]. На наш взгляд, вышесказанное нуждается в определенных уточнениях. Прежде всего, все сказанное выше относится не ко всему лексическому составу языка, а только к знаменательной лексике и прежде всего к кардинальным частям речи русского языка – существительным, прилагательным, глаголам. Кроме того, помимо лексического значения в знаменательном производном слове целесообразно выделять, в духе А.М.Пешковского, вещественное значение (ВЗ) – значение корня. Это ядро ЛЗ, которое, как справедливо утверждает О.М.Ким, выражается основой слова. Значит, в производных словах СЗ входит в состав лексического.

А.М.Пешковский так пишет о роли существительных: «Категория существительного имеет огромное значение для нашей мысли. Без нее невозможны были бы никакое знание, никакая наука. Нельзя было бы,

например, говорить ни о свете, ни о теплоте, ни об электричестве, ни о жизни, ни о государстве, ни о самом языке; ведь ничего этого отдельно не существует» [Пешковский 2001, с. 73-74].

Главная сторона предметности, «существительности» – семантическая, категориальная, в соответствии с чем предметность в современном языкознании определяется как общекатегориальное значение имен существительных: «...все слова, входящие в часть речи «имя существительное», обладают значением предметности: они называют субстанции – конкретные предметы или предметно представленные факты, события, явления, свойства, качества, понятия и действия» [Русская грамматика 1980, с. 453].

Ценно, что данный подход связан также с «падежной грамматикой» Филлмора; особенно это актуально по отношению к производным существительным, которые не только реализуют в тексте «заложенные» в их глубинной семантике множители, но и сами являются одной из реализаций падежных значений на глубинном уровне: субъекта (**учитель**), объекта (**ученик**), инструмента (**сеялка**) и т.д.

Для флективных фузионных языков, к которым относится русский язык, характерно взаимопроникновение компонентов значения, выражаемых корневыми морфемами, словообразовательными формантами и флексиями.

Категориальное значение выражается не только парадигматической схемой и синтагматической связью данной части речи, но и семантикой корня (в непроемном слове и при нетраспозиционном словообразовании), оно «подтверждается» словообразовательными формантами, большая часть которых в русском языке неразрывно связана с системой флексий. Именно поэтому системы словообразовательных формантов вносят существенный вклад в выражение КЗ кардинальных частей речи.

Например, однокоренные слова **синий, синяк, синить; носить, переносить, разносчик; жать, жнец, жатка** характеризуются общностью определенного корня как выразителя ВЗ; слова **синий, носить, жать** являются

непроизводными и не характеризуются тем или иным СЗ; слова **синяк, синить, переносить, разносчик, жнец, жатка** характеризуются разными типами СЗ, выражаемых теми или иными формантами. Каждое из приведенных слов имеет свое, индивидуальное ЛЗ, принадлежит к определенной ЧР, что выражается семантикой корня, формантов, флексий.

Грамматические значения производного слова (ПС) формируются в процессе последнего деривационного акта, например: в СЦ **носить** → **разносить** → **разносчик**. На первой ступени словообразования осуществляется деривация в рамках той же части речи, что и исходное слово, однако приставка вносит значение сов. вида; на второй ступени происходит «переключение» КЗ процессуальности на КЗ предметности, которое осуществляется при посредстве суффиксального форманта (в состав которого целесообразно включать усечение глагольной основы) и системы флексий, отражающих значение муж. рода, ед. числа, им. падежа.

Семантическая структура производного слова, помимо ЛЗ, СЗ, ГЗ обязательно включает еще один семантический компонент: внутреннюю форму (ВФ), которая не «привязана» к определенной морфеме в структуре ПС, но в то же время связана прежде всего с семантикой корневой морфемы, обеспечивающей ПС категориальную мотивировку. Несмотря на то, что ВФ является обязательным признаком ПС, она, с нашей точки зрения, относится прежде всего к лексической категоризации, как и тесно связанная с ней идиоматичность ПС. С нашей точки зрения, специфика ВФ и явление идиоматичности относятся к лексико-функциональным аспектам изучения производных слов.

РАЗДЕЛ 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ КОНКРЕТНОГО ПРЕДМЕТА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Дифференциальные признаки производных конкретных существительных

Учитывая, что конкретные существительные – ядерная часть имен существительных как грамматического класса, а производные слова – их преобладающая в количественном отношении и наиболее продуктивная часть, считаем необходимым подчеркнуть роль производных конкретно-предметных существительных в выражении в русском языке грамматического значения предметности.

Как известно, именно существительные относятся к ядру номинативных средств языка, ядром же самих существительных, эксплицирующим их инвариантную сущность, являются имена конкретного значения. А.А. Уфимцева отмечает, что в значениях слов, составляющих ядро имен существительных, выражены знания «первого эшелона»: «знания об объектах физического мира, об их пространственных и вещественных характеристиках. Не случайно из числа «ядерных» слов 60% – предметные имена с так называемой отражательной семантикой, т.е. с вещественным значением» [Уфимцева 1988, с. 120].

Конкретно-предметные существительные, которые Н.Д.Арутюнова относит к идентифицирующим именам, – словам полной семантической структуры; они отличаются семантической двойственностью – наличием сигнификативного и денотативного содержания, т.е. их семантика приспособлена и к тому, чтобы **называть**, и к тому, чтобы **обозначать**. Они обладают функциональной подвижностью, допуская как референтное, так и нереферентное употребление. Конкретная лексика обладает в основном идентифицирующим типом значения, связанным с функцией опознания,

узнавания предметов и установлением их тождества и различия. Первый и основной принцип выбора идентифицирующей номинации состоит в том, что в значении имени должно входить указание на индивидуализирующий признак объекта.

По области референтной отнесенности именам конкретно-предметной лексики противостоят абстрактные существительные, имеющие референтную отнесенность к одному из свойств, проявлений предмета. Денотативный компонент имен существительных предполагает предметную отнесенность имени, т.е. вызывает у носителей языка предметное представление о некой субстанции, вещи, лице и т.п. С точки зрения степени абстракции, «удаления от предметного мира», «денотативное имя стоит на ступень ближе к внешнему миру по сравнению с сигнификативным, обозначая нечто видимое, слышимое, осязаемое или представляемое.

Не случайно денотат в логике отождествляется с самим материальным предметом, а критерий воспринимаемого / невоспринимаемого органами чувств издавна служит водоразделом конкретных и абстрактных имен существительных. Конкретные существительные можно назвать именами предметов или их классов, абстрактные – именами признаков.

По тем же критериям конкретно-предметные существительные разграничиваются с конкретно-вещественными и собирательными существительными (ср. **сахар – сахарница, песок – песчинка, баран – баранина; куст – кустарник, студент – студенчество, лист – листва** и под.).

Необходимо подчеркнуть, что при оформлении абстрактных, собирательных и частично вещественных существительных огромную роль играют словообразовательные модели. По нашему мнению, производные конкретные существительные также имеют свое словообразовательное оформление, правда, не столь четко дифференцированное от оформления других разрядов.

В качестве дифференциальных признаков производных конкретных существительных можно выделить следующие морфологические и словообразовательные особенности.

ПКС имеют следующие дифференциальные признаки:

1. Все производные существительные со значением конкретного предмета относятся к неодушевленным существительным.

2. Большая часть производных конкретных существительных являются парными по числу; существительные *pluralia tantum* (**кусачки, щипцы, схватцы, носилки**) среди ПКС относительно редки. В нашем материале зафиксировано около 45 подобных примеров, причем этот подкласс слабо пополняется (**наушники, ходунки, ползунки** и нек. др.).

3. Производные конкретные существительные распределены в основном между двумя родами: мужским и женским; существительные среднего рода в этом разряде относительно немногочисленны (**грузило, покрывало, стойло, сверло, скребло, черпало, седло, жилище, стойбище, лежбище** и др.). В нашем материале представлено 70 существительных среднего рода, причем этот подкласс слабо пополняется только за счет разговорных экспрессивных лексем.

Первые два вышеуказанных признака у ПКС являются общими с непроизводными конкретными существительными, третий разграничивает производные и непроизводные конкретные имена. Впрочем, необходимо отметить относительную немногочисленность конкретных существительных и среди склоняемых непроизводных существительных среднего рода (**окно, бревно, веко, крыло, русло, тело, дерево, поле, море** и др.).

Очевидно, родовая характеристика является важной составной частью семантики конкретных существительных, элементом их внутренней формы.

4. Важнейшим признаком ПКС, как и всех производных слов, является наличие у них словообразовательной структуры, выражающей то или иное словообразовательное значение (СЗ), что проявляется в расчлененности их семантической структуры.

Как и другие производные, ПКС двойственны в том отношении, что они являются и самостоятельными лексическими единицами, и в определенной мере словами-описаниями, включающими отсылочную и формантную части. В морфологической структуре производного всегда содержится знак, знаки или части знаков (в зависимости от типа производного), которые могут быть использованы для объяснения его значения.

Производное, в отличие от непроизводного, получает мотивацию значения посредством указания на другое, уже имеющееся в языке однокоренное слово (**выключать – выключатель, горб – горбуша (коса), гореть – горелка, резать – резак, тупой – тупец** и т.д.).

Слова производной лексики являются полноправными языковыми знаками, они обладают собственным лексическим значением, самостоятельным набором грамматических категорий. «Наличие собственного лексического значения у производного заставляет считать его отдельным наименованием, которое – именно как отдельное слово – нуждается в апробации обществом и которое может быть усвоено и запомнено говорящим как отдельный самостоятельный знак... В то же время возможность объяснить это индивидуальное значение отсылкой к однокоренному слову свидетельствует о вторичном характере значения производного, сформированного с помощью другого значения» [Кубрякова 2004, с. 91].

Одной из характерных черт производных слов является расчлененность их семантики. Расчлененным является такое наименование, у которого в пределах номинации, обозначающей более одного элемента, можно выделить компоненты, служащие специально для обозначения этих элементов. При нерасчлененной номинации разные элементы действительности обозначаются синкретично, совместно. Свойство расчлененного и нерасчлененного представления обозначаемого было давно замечено в словообразовательной науке. Так, Г.О. Винокур указывал, что отношение между словом как обозначающим и самим обозначаемым может быть двояким: слово может обозначить известный предмет действительности или непосредственно, или

через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другим [Винокур 1959, с. 420-421]. «В первом случае слово служит таким обозначением соответствующей идеи, в структуре которого остается ничем не выраженной самая сущность этой идеи, как она обнаруживается в её реальных связях. Это нерасчлененные названия соответствующих предметов мысли» [Винокур 1959, с. 420-421].

С расчлененностью тесно связана мотивированность производного слова, его семантическая выводимость, проявляющаяся в том, что значение его может быть представлено дефиницией, содержащей исходное (первичное, мотивирующее) слово или слова.

5. Глубинными дифференциальными признаками являются их типовые позиции в составе предложения (орудия, субъекта, объекта, места), связанные с их распределением по словообразовательным категориям и тематическим группам, например: **Этот дефект можно исправить напильником; Сеялка проработала без ремонта пять лет; На вешалку нагромодили пальто и шубы; В птичнике содержались куры, утки и гуси.**

Характеристика собственно словообразовательного аспекта ПКС требует изучения их в трех аспектах:

1. Анализ их производящей базы.
2. Определение аффиксального фонда, используемого при образовании ПКС.
3. Распределение производных по основным словообразовательным категориям (СК).
4. Определение внутренней формы ПКС.

2.2. Тематические группы производных конкретно-предметных существительных

Тематические группы (ТГ), или классы слов, целесообразно рассматривать как объединения, ориентированные на внеязыковую действительность. Деление лексики на тематические классы связано с единой темой, например, это слова,

называющие конкретные предметы быта, мебель, одежду, обувь и т.д. На предопределенность системных семантических связей слов внеязыковыми факторами (связь самих предметов, явлений, понятий объективного мира) указывают некоторые исследователи. Такой подход, однако, может считаться слишком прямолинейным, на самом деле отношения между классификацией собственно предметов и их имен сложнее.

По мнению П.Н. Денисова, «чисто тематической классификации поддаются только имена существительные» [Денисов 1980, с. 128].

С этой точки зрения конкретные существительные со значением собственно предмета – самый благодарный материал для распределения по ТГ, однако и здесь классификация достаточно сложна и неоднозначна. Сложность в том, что помимо связей предметов в реальном мире существуют еще связи слов в лексической системе каждого языка.

Многократно подчеркиваемое в лексикологических работах положение о несовпадении членения однородной лексики в разных языках свидетельствует о важности собственно языковых критериев членения лексики.

Хотя ТГ конкретных существительных представляют собой денотатные (денотативные) группировки, в их членении явно присутствует и сигнификативный элемент, особенно по отношению к производным словам.

В идеографической части словаря «Лексическая основа русского языка» конкретной, денотативной лексике уделено гораздо меньше внимания, чем лексике абстрактной. Конкретная лексика косвенно связана с полями **«Ограниченное пространство», «Направление в пространстве», «Пространственные координаты»,** непосредственно – с большим полем **«Материальный мир»,** и подполями **«Питание», «Дом, жилище», «Одежда, обувь», «Печать, произведения печати, пресса», «Средства труда», «Инструменты и действия, совершаемые ими», «Машины, механизмы, приборы», «Вместилища, сосуды», «Полифункциональные предметы»** [Морковкин 1984, с. 268-495]. Примеры, приводимые в этой части словаря,

чаще представляют собой производные существительные (**нож, топор, кран**), реже производные (**напильник**).

Данная классификация не является логически (и «денотативно») безупречной: например, слово **пила** должно войти в рубрику «**Инструменты**», если речь идет о механической пиле, и рубрику «**Машины**», если речь идет об электрической пиле.

При выделении ТГ производных существительных со значением конкретного предмета приходится совмещать принцип отражения определенной сферы внеязыковой действительности и собственно языковой принцип функциональной ориентированности предмета, принимая зачастую компромиссные решения. Выделенные ТГ не всегда рядоположны (ср. ТГ «**Инструмент**» и «**Строение, домашняя утварь**»). Многие лексемы при строгом подходе неизбежно должны попасть в две или несколько ТГ, например, слово **подсвечник** – в ТГ «**Дом...**» и «**Вместилище**». Здесь принимается чисто условное решение отнесения лексемы (или, в ряде случаев, ЛСВ) к одной из выделяемых ТГ.

Степень детализации в выделении ТГ – это проблема прежде всего лексикологическая, даже в названиях одежды можно выделить названия длинной, короткой одежды, меховой, рабочей, зимней, летней и т.д. [Судаков 1986, с. 110]. Наша задача несколько иная – выделение общей системы ТГ именно производных конкретно-предметных существительных для соотнесения их с системой словообразовательных категорий.

Нами выделены следующие тематические группы существительных со значением конкретного предмета:

I. ТГ «**ИНСТРУМЕНТ**» (устройство, приспособление, механизм, часть механизма, прибор). Это самая крупная и богатая разнообразно организованными и мотивированными производными группа:

Аккумулятор, бегунки, бита, блокиратор, бомбардировщик, бороздильник, бритва, броневик, брызгалка, брызгало, будильник, ветряк, веялка, взрыватель, винтовка, включатель, волосянка (силок), воротило (уст. бревно), врубовка,

выбрасыватель, гасилка, гасило, гасильник, гаситель, гладилка (инструмент), глушитель, горбуша (коса), горелка, гребло, грелка, гремушка, грузило, грязевик (приспособление), давилка, давило, двигатель, движитель, движок, дегазатор, державка (-и), держак, дистиллятор, дозатор, долбня (долото), донка (удочка), донник, драч, драчка, дробилка, дробовик, дробянка (топор), дудка, жнейка, забурник, заглушка, заградитель, зажигалка, зажигатель, зажигательница, зажим, зажимка, заклинок, закол, заколка, замедлитель, запал, запальник, запарник, запашник, запорка (задвижка), заправщик, зацеп, защелка, звонок, змеевик, зольник, зубчатка, тесак, тесло, толкач, точилка, точило, тральщик, трассер, трепалка, трепало, трещалка, трещотка, трясилка, тупец (нож), тушилка, тушильник, уборщик, увеличитель, увлажнитель, углубитель, ударник, удочка, указка, укладчик, урезник (сапожный нож), хлопущка, ходень, ходики, ходули, ходунки, черпак, черпалка, черпало, чертилка, шасталка, шатун, швырялка, шифратор, щелкун, щелкушка и мн. другие, зафиксированные в толковых словарях современного русского языка.

В приведенных примерах представлены орудийные существительные самой разнообразной семантики, образованные при помощи разных формантов и относящиеся к разным словообразовательным категориям. Это является подтверждением того факта, что ТГ – это языковые объединения, менее тесно связанные внутренними связями, чем другие виды лексических парадигм, более рыхлые, размытые. Вместе с тем представленный материал дает некоторое представление о продуктивности производных орудийных существительных в русском языке.

Кроме того, в сборниках «Новое в русской лексике», в периодике, разговорной речи и т.п. зафиксированы следующие лексемы, обозначающие инструмент, устройство и под.:

Антошка (самолет конструкции Антонова и детская коляска), безмоторка (шутл. велосипед без мотора), брызгалка (поливальная установка), визуалка, ворошитель, выгрузатель, выдувалка, гранилятор, гусеничник, дворник (машина для уборки улиц и дворов), дизелюха, дражератор (машина для

создания у мелких семян твердых оболочек), иньектор, искатель, колесник (трактор), комбинатор (с.-х. Орудие, выполняющее несколько операций), латинка (машинка с латинским шрифтом), навертыш, нейтрализатор, оборачиватель, оттайка, подпариватель, подслушка (подслушивающий аппарат), пожарка, ползунок (замок молнии), сосалка (насос), тархтелка, трамбовщик, циркулярка (пила), процессор, сканер и др.

II. ТГ «СРЕДСТВО». Близки по семантике к ТГ «Инструмент» производные, объединяемые в ТГ «Средство»:

Вздержка, вкладыш, врубок, горчичник, грызло (часть удил), жевка (соска), завязка, закладка, игрушка, курильница, лежень (брус), локотник, мотушка, навеска (петля), надолбня, надульник (чехол), наклейка, наковальня, насадка, носилки, обкладка, огневик (кремень), огниво, подкладка, подпорка, подпятник, подпяточник, подставка, подстилка, покрывка, ползунки, поноска, поплавок, поручень, постилка, привязь, приступка, приступок, прокладка, свивальник, рыскало (цепь), сброс (желоб), скакалка, сковородник, соска, стукалка, сходня (-и), торчок (кирпич) и др.

В ряде случаев по устройству, внешнему виду, назначению предмета трудно решить, в какую группу должно войти его имя, однако имеются семантические и словообразовательные критерии дифференциации смежных ТГ «Инструмент» и «Средство». Лексемы, относящиеся к ТГ «Инструмент», в большинстве своем входят в словообразовательную категорию «Орудийность» и обозначают орудие – как бы заменитель лица. Производные лексемы, входящие в ТГ «Средство», распределяются по разным СК и обозначают предмет, выполняющий пассивную роль в реальных действиях.

III. ТГ «ПОМЕЩЕНИЕ». В количественном отношении это вторая группа, следующая за группой «Инструмент»:

Арестантская, белильня, бойня, больница, бондарня, бродильня, булочная, ванная, ветряница (сушильня), ворсильная, гвоздарня, гвоздильня, голубятня, гончарня, гостиная, гостиница, гранильня, грибница (теплица), гримерная, гримировальная, гробница, густильня, гусятник, гусятня, давальня, дворницкая,

дегтярня, дежурка, дежурная, денник, детская, дровяник (сарай), дубильня, душевая, забегаловка, закусовая, запасник, индюшатник, инструменталка, инструментальная, исповедальня, калачная, калачня, калильня, караулка, каретник, калильня, кожевня, колбасная, комиссия, коммуналка, кондитерская, конюшня, коптильня, коровник, котельная, кофейная, кофейня, кочегарка, кочегарня, красильная, красильня, котельная, кофейная, кофейня, кочегарка, кочегарня, красильная, красильня, крольчатник, кумирня, купалка, купальня, курилка, курильня, курятник, курятня, летник (помещение), лисятник, литейная, лосятник, лоцильня, маральник, мастерская, медвежатник, мельница, мертвецкая, механическая, моечная, мойка, молельная, молельня, моленная, молочная, мостовая, мотальня, мыльня, наборная, накопитель, насосная, обезьянник, овчарня, одиночка, ожидалка, ожидальная, операционная, операторская, опочивальня, передняя, переплетная, печатня, пивная, пивница (погреб), пивнушка, пильня, пирожковая, плавильня, плющильня, повалушка (общая спальня), поварня, погребница (помещение под погребом), подсобка, покойницкая, пончиковая, поросятник, порхалище (помещение в птичнике), почивальня, прачечная, предбанник, предварилка, преподавательская, прессовальня, приемная, примерочная, псарня, психиатричка, птичник, птичня, пчельня, пчельник, угловушка, умывалка, умывальня, усыпальница, фазанарий, фасовочная, харчевня, холодильня, холодная, хранилище, цирюльня, цыплятник, чайная, черпальня, чертежная, чесальня, читальня, шампиньонница, шашлычная, шлихтовалка, штопальня, ягнятник и мн. др.

Выше приведены существительные, входящие в ТГ «Помещение» и зафиксированные в толковых словарях русского языка. Кроме того, в сборниках «Новое в русской лексике», в периодике и разговорной речи зафиксированы: примерка, заказник (помещение для хранения старых декораций), лагманная, лепешечная, мерзлотник, музыкалка, постирочная, психушка, районка, родилка, служебка, стригальня и др.

IV. ТГ «ВМЕСТИЛИЩЕ»:

Багажник, бритвенница, брусница, брусочник, булавочник, булавочница, бумажник, варница (котел), вафельница, галошница, готовальня, духовка, жаровня, игольник, игольница, капустница (кадка), копилка, кормушка, ладанка, ледник, марочница, мыльница, насып (ящик), образница, отстойник, очешник, папиросница, патронник (в оружии), патронница (сумка), пепельница, перечница, песочница, пирожница, плевальница, плевательница, поддон, поддонник, поддонок, подойник, пороховница, пудреница, растильня (ящик), садилка, садок, сбруйница, сигаретница, сигарочница, сокровищница, спичечница, табакерка, табачница, тайник, чесночница, шахматница, шашечница, шильница и др.

V. ТГ «МЕСТО»:

Болотина, быстрина, волок, выпуклина, глинище, гнездовье, городище, гульбище, полянка, дернище, дерновище, жальник (кладбище), заказник, окраина, запечье, заповедник, заречье, зимовище, зыбун, изгибина, изголовье, кострище, кочевка, круговина, лежбище, могильник, мольбище, набережная, нейтралка, нерестилище, низина, обиталище, обочина, огнище, оголовок, оголовье, окраина, пастбище, пашня, пепелище, перевал, прекресток, перекрестье, перелаз, подворотня, подземеелье, подполье, подстенок, пожарище, поселок, поскотина, размоина, расщелина, скирдник, снежник, снежница (место скопления снега), стоянка, стрельбище, теплина (место сушки стогов), теснина, токовище, толкучка, толчок, торжище, торфяник, узина, усолье, целина, яровище и др.

VI. ТГ «ПОСУДА»:

Горлач (горшок), горчичница, гусятница, конфетница, молочник, опарник, опарница, пасочница, подблюдник, подстаканник, полоскательница, салатник, салатница, сахарница, селедочница, сливочник, сметанник, солило (уст. – блюдо, чаша), солоница, солонка, супник, супница, сухарница, творожница, укусуник и др.

ТГ «Помещение», «Вместилище», «Место», «Посуда» объединяются по отношению к производным существительным общей локативной семантикой;

границы между ними в значительной степени условны и зависят в основном от внеязыковых факторов. Так, ТГ «Помещение» и «Место» различаются по признаку « замкнутое / незамкнутое пространство »; «Вместилище» и «Посуда» - по виду и сфере использования предмета.

Возможны и иные классификации: например, выделение более крупной, чем ТГ «Посуда» – ТГ «СОСУДЫ». Тогда слова **варница** (котел) и **капустница** (кадка) войдут в одну группу со словами **конфетница, салатница, перечница** и под., зато вне классификации останутся слова **багажник, игольник, копилка** и др.

Возможно выделение и узких, специализированных ТГ, например, названий кадок (**дрожжанка, дуплянка, капустница, квашня, липовка** и др.) или котлов (**варница, запарник, парник** и др.). Данный материал лишь подтверждает общеизвестное положение, что ТГ – довольно рыхлые, диффузные группировки, выделяемые в основном с ориентацией на внеязыковую реальность и в достаточной степени условно.

VII. ТГ «ОДЕЖДА» (головные уборы, обувь, украшения и т.д.)

Бархатка, безрукавка, бескозырка, богатырка (шлем), босовики, буденовка, валенок, ватник, венгерка, висюлька, ветровка, визитка, власяница, вязанка (-и), голенище, голландка (рубаша), головник, головница, гренадерка (уст. – головной убор), дождевик, исподник, исподница, канадка (куртка), ковбойка, кожан, кожанка, крылатка, кубанка, купальник, летник (сарафан), матроска, набедренник, набрюшник, наглавник, наголовник, нагрудник, нагрыжник, назатыльник, накидка, наколенник, налобник, наплечник, напульсник, наспинник, нательник, наусник, наушники (часть шапки), нашлемник, нитянка (-и), ноговица (-ы), обнова, обновка, обноски, оплечье, парусинник, перевязь, передник, перешивок, перстень, пилотка, плавки, подвертка, подстежка, подшалок, подшлемник, разлетайка, сибирка (уст. – верхняя одежда), слюнявка, слюнявчик, спецовка, спорок (споротый верх одежды), спортивки, спортсменки, стеганка, стелька, тельник, тельняшка, тенниска, толстовка,

ушанка, финка, фланелевка, форменка, футболка, черкеска, шиповки, шлепанцы.

Немногочисленные, но очень интересные по мотивации лексемы ТГ «Одежда» зафиксированы в словарных материалах «Новое в русской лексике» [124]:

Аляски (сапожки), беска (бескозырка), брезентовка, брезентуха (куртка), верхонка (рабочая рукавица, надеваемая поверх перчатки), выживалка (верхняя одежда, защищающая от радиации), марлевка (одежда, сшитая из ткани, похожей на марлю), плетенки (обувь), эвенкийка, эскимоска (головные уборы), вьетнамки и др.

VIII. ТГ «ПИЩА» представлена данным материалом несколько обедненно, т.к. основные названия продуктов, блюд, кушаний, и т.д. – существительные вещественные. К конкретным производным существительным относятся наименования отдельных предметов, в основном связанных родовидовыми отношениями со словами пирог, пирожок, котлета и т.д.:

Биток, блинник, вареник, гречишник, гречневик, гречушник, желтяк, калинник, капустник, картофельник, курник, маканец, маковник, морковник, отбивная, пирожное, подовик, подорожник (пирожок на дорогу), рыбник, слоенка, сухарь, творожник, тянучка и др.

IX. ТГ «ПЕЧАТЬ» (произведение печати, книга, рукопись, документ и т.д.): Аттестат, беловик, букварь, вопросник, учебник, временник, всемирка, гербовник, дарственная, дневник, докладная, дубликат, задачник, законник (свод законов), записка, сборник, лечебник, листовка, методичка, молитвенник, молодежка, накладная, обрядник, памятка, переплет, песенник, писулька, письмовник, подлинник, поминальник, поминальница, похоронка, похоронная, разговорник, расписка, решебник, сборник, свиток, святцы, слезница (жалобное письмо), словарь, сонник, сопроводилка, сопроводительная, справочник, судебник, темник, травник, требник, определитель, учебник, черновик, численник (календарь), чистовик и др.

Данная ТГ включает лексемы, в семантической структуре которых часто совмещаются семы с абстрактными или собирательными значениями (ср. **аттестат, вопросник, гербовник, записка, изборник, докладная, молитвенник, песенник, сборник** и др.).

Х. ТГ «ДОМ» (жилище, домашняя утварь)

Эта тематическая группа может быть выделена с определенными оговорками, достаточно условно, т.к. она пересекает ТГ «Помещение», «Средство» и др. Тем не менее здесь намечаются определенные ряды, прежде всего в характеристике жилища:

Дернушка, дымовье, землянка, зимница, мазанка, развалюха, саманка, сборня, этажка; думка (подушка), каменка (печь), навес, накат, накомодник, наоконник, ночник, оконник, оконница (рама), плоскуша (крыша), подзеркальник, подоконник, подоконница, подсвечник, подстольник, подютюжник, подчасник, половик, соломенник, средник (брус), столешник (скатерть), столешница (крышка стола), ходики и др.

Кроме выделенных 10-ти ТГ, объединяющих основной массив производных предметных существительных, выделяются также более мелкие группировки, например, «наименования автомашин» (аварийка, бортовка, волгарь, железка, жестянка, легковушка, маршрутка, пассажирка, пожарка, полуторка, попутка, походка, прицеп, скорая, сорокач и др.);

Отметим узкую, но очень интересную организованную ТГ «Рукоять»: **грабельник, держак, кнутовище, косовище, лопатище, метловище, молотовище, серповище, топорище, удилище**. Однако в производном **ножевище** – «лезвие ножа», при сохранении принципа организации «часть-целое» денотативное отношение обратное: обозначение направлено не на ручку (рукоять), а на другую часть предмета – лезвие.

Особую сложность представляет распределение по ТГ существительных результативной семантики, мотивированных глаголами: **вылепок, вымерок, выплавок, выползок, зарубка, засечка, затеска, изваяние, изгарина** (сгоревший предмет), **литка** (слиток), **навиток, недокурок, обглодок,**

огрызок, окурок, оползень, отливок, отпечаток, отпилок, отрубок, рисунок, скатыш, сколок, слепок, слиток, сруб и др.

Денотация подобных лексем либо относится к узкому кругу объектов (**выползина, выползок** – «кожа (шкура) змеи, гусеницы»), либо не имеет определенной тематической закреплённости (**вылепок, обломок, огрызок, отпечаток**).

Некоторые лексемы данной семантики сочетают конкретные значения с абстрактными, например, **заметина, изваяние, набросок, обрывок** и др.

Тематические группы производных конкретно-предметных существительных представляют собой фрагменты одноименных ТГ, куда входят прежде всего непроизводные существительные (ср. **топор-колун, дровянка, нож-резак, сарай-дровяник, куртка-канадка** и т.д.), сложные существительные, производные семантической деривации и составные номинации. Однако именно ПКС являются наиболее представительной частью ТГ конкретной лексики как по разнообразию воплощения мотивов номинации, так и по представленности формально-семантических типов. По данным Е.М.Позняковой, «производные существительные, обозначающие конкретные неодушевленные предметы, с незатемненной мотивированностью в современном русском языке» составляют около 5 тыс. лексических единиц [Позднякова 1989, с. 5]. В нашей картотеке также зафиксировано более 10 тыс. производных конкретно- предметных существительных.

Производные, входящие в выделенные ТГ, могут быть объектом классификации в нескольких аспектах:

1. По чисто формальным суффиксальным объединениям.
2. По объединению в словообразовательные категории.
3. По отражению фрагментов словообразовательных гнезд.
4. По типам мотивации и специфике внутренней формы.

В каждом случае выделяются объединения, пересекающие ТГ в том или ином отношении.

Наименее информативной в русском языке является классификация ПКС по формантам, т.к. производные самых разных подклассов могут оформляться одними и теми же суффиксами, ср.: **бороздник, донник, дымник, жирник, затыльник** – названия инструментов и приспособлений; **горчичник, локотник** – средство; **денник, дровяник, каретник, холодильник** – помещения и т.д. Именно поэтому описание словообразования «от форманта», т.е. с точки зрения словообразовательного типа, при всей его важности, представляется недостаточным для адекватного отражения семантико-функциональных особенностей производных конкретно-предметных существительных. Описание ПКС по словообразовательным категориям позволяет выявить систему семантико-формальной организации и порождения производных конкретно-предметных существительных.

Несмотря на огромное количество ПКС и обозначение ими всего мыслимого разнообразия предметного мира, основная часть когда-то образованных и вновь образуемых конкретных существительных распределяются по тематическим группам «Инструмент», «Средство», «Помещение», «Вместилище», «Посуда», «Место», «Дом», «Одежда», «Пища», «Печать».

2.3. Словообразовательные категории конкретно-предметных существительных

Наиболее изученной единицей классификации производных слов в настоящее время является словообразовательный тип. В определениях СТ у разных авторов расхождения незначительны, ср.:

1. «Словообразовательный тип – это схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы; 2) семантического соотношения между производными и производящими; 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно общностью способа словообразования и

словообразовательного средства (форманта), т.е. для аффиксальных производных тождественностью аффикса» [Земская 1989, с. 292].

2. «Это схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении...» [Русская грамматика, с. 135].

В нашем понимании производные лексем, принадлежащие к одному СТ, характеризуются:

- 1) единством СЗ;
- 2) единством части речи производящей базы;
- 3) единством форманта.

Словообразовательные значения следует рассматривать как абстрактные, обобщенные значения, близкие по типу выражаемой информации к грамматическим значениям. В их основе лежат те же обобщенные понятийные категории (концепты), что и в основе ГЗ: «количество», «субъект», «объект», «локус», «темпоратив», «пол», а также значения, отражающие связи частей речи (транспозиционные значения).

Принципиальное отличие словообразовательных значений от грамматических заключается: 1) в необязательности СЗ для всех лексем данной части речи; 2) в сфере воплощения (не словоформа, а производное слово); 3) в способе воплощения (не флективное, что характерно для большей части ГЗ, а формантное).

Под формантом понимается любое формальное (звуковое) средство, отличающее производное от производящего, однако обычно понятие форманта связывается прежде всего со словообразовательными аффиксами или их сочетаниями в составе конфиксов. По отношению к суффиксальному форманту или суффиксальному компоненту в составе конфикса следует подчеркнуть, что фактически частью такого форманта в русском языке является система флексий.

Производящая база в русском языке может быть представлена производящей основой (**открыва (ть) – открывалка, сея(ть) – сеялка**), лексемой (**лететь – прилететь, красивый – некрасивый, друг - недруг**), словосочетанием (**строить мосты – мостостроительный, мостостроитель;**).

Словообразовательная категория – единица более абстрактная и сложная, чем СТ. «СК формируется совокупностью СТ, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения» [Земская 1973; с. 203]. Если СТ можно признать основной формально-семантической единицей системы словообразования, то СК является основной функционально-семантической единицей данной системы.

Основное отличие СК от СТ заключается в том, что в ней отсутствует единство форманта (дериватора), служащего средством выражения словообразовательного значения. Отсюда и определение СК как совокупности однородных СТ, что соответствует подходу «от формы к значению». Однако существует и функциональное определение СК, соответствующее определению грамматической категории: «СК формируется совокупностью СТ, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения» [Манучарян 1981, с. 203]. Итак, СК – единство СЗ и формальных средств его выражения (формантов). При таком подходе СК не ограничивается рамками одного способа словообразования и даже одной части речи.

Так же как и СТ, СК является единицей двухплановой, то есть относящейся одновременно и к плану выражения, и к плану содержания. Говоря о месте СК в системе словообразования, можно выстроить иерархическую зависимость между СК, способом словообразования и СТ, при которой СК превалирует, объединяет другие единицы.

Обосновывая методологический подход к описанию материала в монографии «Словообразование как деятельность», Е.А.Земская пишет: «Рассмотрение системы словообразования через выявление СП /словообразовательных парадигм – С. Е./ различных ЛСГ слов разных частей

речи – один из плодотворнейших путей исследования. Для наших целей, однако, мы избрали другой путь, так как ставили задачу охарактеризовать не потенциал базовых основ, но конечный продукт процесса словообразования – производное слово. Именно поэтому ... мы идем от рассмотрения словообразовательных значений и более крупных единиц плана содержания – словообразовательных категорий» [Земская 2005, с. 25]. Следует только уточнить, что СК, в отличие от СЗ (абстрактного, идеального) – это единица двусторонняя, как отмечает сама Е.А.Земская: « М.Докулил указывает, что словообразовательная категория – это более общее понятие, чем словообразовательный тип. Она отличается от словообразовательного типа тем, что отвлекается от единства форманта... Мы будем исходить из этого общего определения, суть которого сводится к тому, что словообразовательную категорию характеризует единство словообразовательного значения при различии средств выражения» [Земская 2005, с. 25].

Каждая СК может быть представлена как набор дифференциальных признаков, например, СК «степень признака» (**премильный, развеселый, глуповатый, темноватый, синеватый**) – это СК внутрикатегориального характера (объединяющая только имена прилагательные); базирующаяся на одной части речи; СК нетранспозиционного характера; модификационного типа; базирующаяся на оппозиции СЗ «высшая степень признака» / «ослабленная степень признака».

Не подлежит сомнению, что определенные классы деривационных морфем тяготеют к тому или иному типу деривации: для префиксации характерна в основном модификационные преобразования значений исходного слова и невозможна транспозиция, суффиксальные производные могут быть связаны с любым типом деривации. Однако это не означает, что по формантному воплощению СК обязательно однородны, как это показано выше на примере СК «степень признака».

Продуктивные субстантивные СК, служащие основным ресурсом пополнения разряда ПКС, распадаются на две группы, которые условно можно

назвать специфическими (пополняющими только данный разряд) и неспецифическими, служащими для пополнения как данного, так и других разрядов имен существительных (личных, вещественных, наименований животных, абстрактных).

К неспецифическим словообразовательным категориям конкретно-предметных существительных относятся следующие.

1. **СК «производитель действия»** (учитель, хранитель, слушатель, мойщик, пыльник, чистильщик, продавец, скиталец, крикун, каменотес, домостроитель, чугунолитейщик, бегун, вожак, ходок / несущка, кряква, шатун (медведь) / взрыватель, включатель, указатель, проигрыватель, картофелекопатель, сеноворошитель, бомбардировщик, движок, аккумулятор, блокиратор, вибратор / очиститель, пятновыводитель, разрыхлитель).

2. **СК «носитель признака»** (дощаник, маковник, гербовник, дровяник, жирник, теплица, винтовка волосянка (силок), броневик, кругляш, голик, кривуша (коса), преснушка, пышка, сухарь / старик, садовник, озорник, часовщик, хитрец, архаист, белянка / лазоревка, синица, беляк, русак).

3. **СК «предмет по отношению к (другому) предмету»** (ветряк, грязевик, пыльник, сошник, градусник, блинник, горбуша / банщик, барабанщик, сезонник, рыбак, земляк, моряк).

4. **СК «пространственно-временная модификация производящего»** (наколенник, пододеяльник, подсвечник, подпятник, подпяточник, предплужник, ошейник / наддверие, надгробие, надплечье / подворотня, Подмоскovie, Средиземноморье / межсезонье, предзимье).

5. **СК «объектность»** (вздержка, вкладыш, грызло (часть удил), жевка (соска), завязка, закладка, игрушка, наклейка, подкладка, подставка, подстилка, поноска, привязь, скакалка, соска, слепок, обрубок, набросок, трещина, царапина / выкормыш, подкидыш, приёммыш, поскрёбыш / очистки, выжимки, остатки, щепы / набросок, отпечаток, прозвище).

Общая характеристика данных СК через принятую систему классификационных признаков выглядит следующим образом.

1. Все перечисленные СК по отношению к частеречной классификации производных – это СК, объединяющие в лексических реализациях производные одной части речи – имена существительные.

2. По отношению к частеречной характеристике производящих – это СК, базирующиеся на одной части речи, соответственно СК «производитель действия» и «объектность» базируются на глагольной семантике, СК «носитель признака» – на семантике прилагательных, СК «предмет по отношению к (другому) предмету» и «пространственно-временная модификация производящего» – на семантике имен существительных.

3. По соотношению частеречных характеристик производящих и производных данные СК делятся на СК транспозиционного типа (СК «производитель действия», «объектность» и «носитель признака») и СК нетранспозиционного типа (СК «предмет по отношению к (другому) предмету» и «пространственно-временная модификация производящего»).

4. По характеру семантического соотношения между производящими и производными – это СК мутационного типа, за исключением СК «пространственно-временная модификация производящего»).

5. Все рассмотренные СК основанные на одном типовом СЗ.

В основе неспецифических для ПКС категорий лежат следующие концепты:

- 1) «субъект» (СК «производитель действия»).
- 2) «объект» (СК «объектность», объединяющая как существительные со значением «средство, при помощи которого осуществляется действие». так и предметы лица, реже абстрактные понятия, представленные как объект, возникший в результате определенного действия),
- 3) «пространство» (СК «пространственно-временная модификация»).
- 4) «качество» (СК «носитель признака»).
- 5) «отношение» (СК «предмет по отношению к другому предмету»¹).

¹ В «Русской грамматике» СТ, принадлежащие к данной СК, имеют другую дефиницию: «Существительные со значением «носитель предметного признака» [81, с. 183-189]. Для

Перечисленные СК представляют собой реализацию и взаимодействие всех трех кардинальных частей речи русского языка: имен существительных, имен прилагательных и глаголов.

К специфическим словообразовательным категориям конкретно-предметных существительных относятся следующие.

1. **СК «орудийность»** (будильник, шлифовальник, умывальник, плавильник, гранильник, кипяtilьник, плющильник, дробилка, камнедробилка, льнотеребилка, давилка, цедилка, электропилка, гасилка, молотилка, сеялка, сбивалка, гладилка (инструмент), веялка жатка, сенокосилка, соковыжималка, тестомесилка, подпорка, погремушка, колотушка, брызгало, кропило, опахало, скребло, давило, правило, молотило, гасило, скребок, помазок, держак).

2. **СК «локативность»** (пекарня, хлебопекарня, токарня, слесарня, овчарня, смолокурня, сушильня, спальня, парилка, гладилка, читалка, инструменталка, жилище, стойбище, лежбище, наборная, примерочная, ортировочная, диспетчерская, учительская, швейцарская, ординаторская, сахарница, патронница, салатница, сокровищница, бумажник, брусочник, ледник, солонка, масленка).

3. **СК «единичность»** (виноградина, горошина, бусина, льдина, клюквина, соломина, мармеладина, снежинка, чайнка, икринка, карамелька, мелок, брючина, рельсина).

В основе семантики специфических для ПКС категорий лежат базовые понятийные концепты «орудие» (СК «орудийность»), «локус» (СК «локативность»), «количество» (СК «единичность»). Таким образом, несмотря на огромное количество производных конкретно-предметных существительных, обозначающих самые разные предметы (по размеру, внешнему виду, сфере использования, функциональному предназначению и

отсубстантивных существительных мы используем дефиницию «Предмет по отношению к предмету» [см. 3, с. 20], отдавая себе отчет в её несовершенстве, т.к. вообще трудно найти общую дефиницию для существительных барабанщик, сезонник, градусник, блинник вследствие их идиоматичности.

т.д.), они распределяются по ограниченному числу СК: по трем специфическим для данного разряда и пяти неспецифическим.

С нашей точки зрения, систематизирующая, организующая и пополняющая роль словообразования по отношению к лексике наглядно и убедительно эксплицируется при анализе производных слов не через систему словообразовательных типов, а через систему словообразовательных категорий, ориентированных на обобщенную понятийную семантику – основу и грамматической, и словообразовательной категоризации. Это, однако, не снимает проблемы описания многих производных имен идиоматического характера, возможности альтернативного решения при выделении тех или иных СК, а также при изучении соотношения СК и функционально-семантических полей (например, поля орудийности).

Одним из критериев выделения СК, по нашему мнению, является разграничение сигнификативных и денотативных компонентов семантики производных, так как именно с сигнификатом, т. е. с понятийным ядром семантики слова, связано формирование СК, тогда как денотативная принадлежность формирует идиоматичный облик обозначения реалий. Другими словами, не внешний вид предмета, не его реальное устройство служат основанием отнесения имени к той или иной словообразовательной категории: ср. существительные орудийной семантики **умывальник**, **камнедробилка**, **правило** – (в системе орудийных значений этой лексемы есть и значение «хвост собаки»), **погремушка**, **подпорка**, а единый принцип номинации – функциональная предназначенность для любого действия.

В настоящей работе не ставилась цель проанализировать формальную, морфонологическую сторону образования ПКС. Заметим лишь, что материал включает как примеры незначимых морфонологических преобразований (**дернище** – **дерновище**, **плевальница** – **плевательница**, **растущевка** – **растущка**), так и примеры «семантизации» морфонологических преобразований (**двигатель** – **движитель**, **мазанка** – **мазилка**).

Многообразии производных от одной или смежных основ прежде всего предполагает функциональное распределение семантических подтипов между отдельными словообразовательными типами. В самом деле, в ряде случаев форманты дифференцируют семантику производных, например, **дровяник** – «помещение», **дровянка** – «оружие», **зарукавник** – «чехол», **зарукавье** – «браслет», **капустник** – «пирог», **капустница** – «сосуд, кадка», **литейная** – «мастерская», **литка** – «слиток», **литник** – «канал», **молочная** – «магазин», **молочник** – «сосуд», **мыльница** – «коробочка», **мыльня** – «помещение», **пепелище** – «место», **пепельница** – «посуда», **перина** – «матрац», **пернач** – «оружие», **плавильник** – «инструмент», **плавильня** – «мастерская», **раздаточная** – «помещение», **раздатчик** – «машина» и т.д.

Очень часто наблюдается **синонимия** (или дублетность) производных разных словообразовательных типов, при этом многие из них относятся к разным родам: **брусница**, **брусочник**; **булавочник**, **булавочница**; **игольник**, **игольница** – «коробка, вместилище»; **гасилка**, **гасило**, **гасильник** – «приспособление»; **дрождяник**, **дрождянка** – «сосуд, кадка»; **головник**, **головница** – «платок»; **гусятник**, **гусятня** – «помещение»; **копалка**, **копатель**, **копач** – «приспособление»; **корчевалка**, **корчеватель** – «приспособление»; **морозилка**, **морозильник** – «место, устройство»; **отливка**, **отливоч** – «заготовка»; **разгрузатель**, **разгрузчик** – «машина»; **салатник**, **салатница** – «посуда» и т.д.

Приведенные выше фрагменты словообразовательных гнезд показывают, что между однокоренными одготипными производными могут складываться самые разнообразные и зачастую причудливые отношения. Так, производное **дымарь** имеет значение «прибор», **дымник** – «печная труба», **дымовье** – «изба»; **давилка**, **давило** – названия инструментов, а **давильня** – помещения, **двигатель**, **движитель**, **движок** – названия инструментов, но с разной денотацией, **купалка** в «Грамматике - 80» определяется как «сосуд» (хотя и не исключено значение «постройка, помещение»), **купальня** – «постройка», **купальник** – «купальный костюм», **курилка**, **курильная** имеет значение

«помещение, комната», а значение слова **курильня** более специально – «заведение», **курильница** же обозначает «прибор». Производные **зимник, зимница, зимовище, зимовник, зимовье** все связаны с локативной семантикой, но конкретно это распределяется так: **зимник** – «дорога», **зимница** – «изба», **зимовище, зимовник, зимовье** – «место, помещение». Типы отношений могут воспроизводиться (**салатник, салатница – соусник, соусница; давилка, давило, давилня – луцилка, луцило, луцильня – молотилка, молотило, молотильня**) или быть уникальными: **крестец** – «копна», **крестовина** – «брус», **крестовка** – «карта», **писанка** – «яйцо», **писулька** – «письмо»).

Очень развита словообразовательная синонимия в обозначениях помещений (караульная, караульня; дежурная, дежурка; калачная, калачня; ожидалка, ожидальня; парилка, парильня; раздевалка, раздевальня; пивная, пивнушка; птичник, птичня и др.). Однако при необходимости субстантиват и суффиксальное производное имеют разные частные значения (**гостиная – гостиница**), могут быть семантически дифференцированы и суффиксальные образования (**курилка – курильня**).

При таком разбросе значений, при явных много-многозначных отношениях суффиксов с производящими в большинстве случаев не приходится говорить об устойчивой и самостоятельной семантике суффикса, о закреплении их в выражении орудийных, локативных отношений и т.д. Тем более неправильно приписывать суффиксам узкие значения типа «инструмент», «помещение», «сосуд» и т.д.

Проанализированный материал показывает, что только отдельные суффиксы связаны с определенными типами отношений. Так, суффиксы **-тель / -итель** и **-чик / -щик** имеют преимущественно орудийное значение (двигатель, движитель, заградитель, зажигатель, излучатель, измеритель, кантователь, копнитель, корчеватель, нагнетатель, нагреватель, обогреватель, обрызгиватель, опрокидыватель, перегружатель, разгружатель, темнитель, увеличитель, увлажнитель, углубитель; бомбардировщик, нагрузчик, передатчик,

пикировщик, погрузчик, тральщик и др.), причем не исключена возможность отнесения имени не к обозначению активного орудия, а к обозначению пассивного средства (**осушитель** – «ров, канал»), или преобладание локативного значения над орудийным (**вырезатель**).

Суффиксы **-ище / -бище, -лице** зафиксированы только в локативном значении (**дернище, дерновище, зимовище, лежбище, мольбище, стлище, стрельбище, яровище** и др.), однако денотативная отнесенность этих имен не однородна: **городище** – «место, где в древности стоял город», **зимовище** – «помещение, изба», **яровище** – «поле, с которого убран хлеб», **лежбище** – 1. «место на суше, где залегают морские звери»; 2. «след лежавшего на земле зверя».

Большая часть суффиксов выражают два или более типов отношений:

-ница – локативное и орудийное (**булавочница, гусятница, дегтярница, но скребница**);

-ок – результативное и орудийное (**валенок, обглодок, отливок, но движок, звонок**);

-ка – локативное, орудийное и результативное (**дежурка, подсобка; дровянка, колотушка; писулька, отливка**).

Следует также учитывать и возможность совмещения значений внутри лексемы, и не всегда точную фиксацию значений в словарях, и возможность функциональных сдвигов в разговорной речи.

Таким образом, широкая вариативность и синонимия, влияние внеязыковой действительности, идиоматичность большинства ПКС не позволяют говорить о семантике суффикса как о некоей фиксированной парадигматической величине.

«Частные» словообразовательные значения данного СТ определяются в «Русской грамматике» следующим образом:

«1. Предмет, предназначенный для выполнения действия»: а) «машина, механизм, приспособление»: **молотилка, сеялка, таялка, зажигалка,**

точилка; б) «сосуд»: **цедилка, поилка, копилка;** в) «игровые стихи»: **считалка, дразнилка.**

2. «Предмет, приспособление, являющийся субъектом действия» (название предметов по побочному действию): **сновалка, мигалка, копилка, трещалка** (разг.).

3. «Помещение, предназначенное для выполнения действия»: **читалка, курилка, кипяtilка, парилка, раздевалка, умывалка, ожидалка** (все – разг.).

4. «Лицо – субъект действия»: а) слова жен. р.: **сиделка, гадалка, заряжалка** «работница на ткацком производстве», **резалка** «работница на разделке рыбы», устар. **кормилка** «кормилица»; б) слова общ. рода: **зубрилка** (разг.), **мазилка** (разг.)...

5. «Животное (возможно и лицо) – субъект действия»: **жужжалка, рычалка...** В одном слове возможно совмещение нескольких значений: **вешалка** – «приспособление» и разг. «помещение»; **брызгалка** – «орудие, приспособление» и окказ. «лицо» [Русская грамматика, с. 149].

На наш взгляд, в данном разбиении одного СЗ на частные реализуется «лексикологический» подход к словообразовательному значению, описание СЗ в зависимости от сферы действия, предмета, его внешнего вида, материала, из которого он изготовлен. Не подразделяя СЗ на общие и частные, к СК орудийности относим производные, выделенные в Грамматике-80 под пунктом 1, подпункты (а) и (б): **молотилка, сеялка, цедилка, поилка,** и т.д. Подпункт (в) реализует абстрактные понятия, а ПС, отнесенные к пункту 2. (**мигалка, копилка, трещалка**) – это все же реализация орудийного, а не субъектного значения, так как особенность семантики этих существительных – выражение функциональной предназначенности предмета, поглощающего значение деятеля, хотя наименование дается не по «продуктивному» действию.

Производные, помещенные под пунктом 3-м, по сути представляют собой синонимы экспрессивно-разговорного характера к ПС нейтрального характера: ср. **читальня, курильня, парильня, умывальная, ожидальня.** Они относятся

нами к СК «локативность». Отнесение одушевленных существительных на **-лка** к СК «производитель действия» неоспоримо, однако этот факт лишь подтверждает принцип организации русской суффиксальной системы: много-многозначные отношения формы и содержания, асимметричность этих двух планов, вследствие чего нецелесообразно давать описание русской словообразовательной системы «от форманта».

Производные существительные, реализующие СК «орудийность», являются самой продуктивной частью семантического поля «орудийность», в которое входят также непроизводные слова со значением «орудие» (**топор, нож, вилка, ложка, щетка, серп, соха** и др.), составные номинации (**поливальная машина, токарный станок** и др.). СК «Орудийность» в семантическом отношении представляется цельной, внутренне однородной.

Примечательно, что сама СК «орудийность» организована по принципу семантического поля: ядро данной СК составляют существительные на **-льник, -лка, -л(о)**, а на периферии располагаются названия орудий, реализованные в рамках СК «деятель» при помощи менее продуктивных для данной СК суффиксов **-к(а), -ак, -ок, -ун** (**резец, держак, лежак, черпак, манок, секач, колун, шатун** и др.)

Их соотношение отражено на следующей схеме:

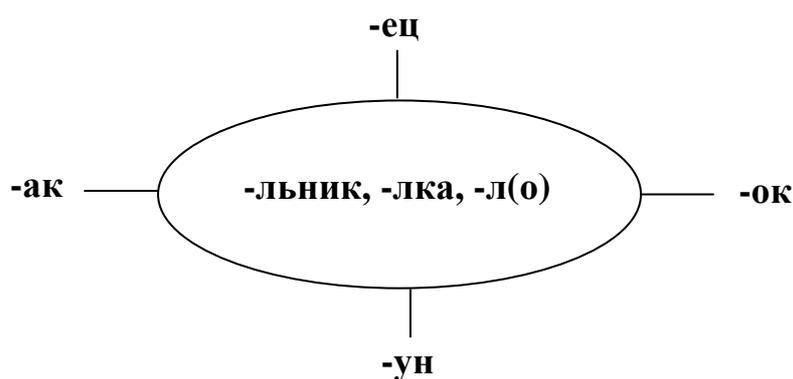

Рис. 1.

Словообразовательное обособление СК «орудийность» от СК «производитель действия» связано в русской словообразовательной системе прежде всего с оппозицией суффиксов **-льщик** и **-льник**. Таким образом, асимметричные, много-многозначные отношения в русской суффиксальной

системе не препятствуют закреплению определенных СЗ за отдельными формантами. СК «Орудийность» организует большую часть производных ТГ «Инструмент»: **блокиратор, бороздильник, бритва, выбрасыватель, гасильник, дозатор, дробилка, жатка, зажигалка, кипятильник, прибойник, очищалка, уборщик** и др.

Производные широкой референции могут входить и в другие ТГ, например, **определитель, указатель/ ср. световой указатель –предметный указатель.**

Существительные данной СК наиболее эксплицитно выражают значение орудия действия, их СЗ может быть описано дефиниционной формулой «то, чем производится (определенное действие)».

Производные существительные со значениями «место», «помещение», «жилище» нередко представляют собой реализации СК «носитель признака» (**саманник, темница, теплица**), СК «объектность (результат действия)» (**развалюха**), СК «пространственной модификации» (**предбанник**).

С нашей точки зрения, они не относятся к СК «локативность», которая репрезентирует семантику локуса именно в результате словообразовательной деривации.

Способы образования ПС словообразовательной категории «локативность»:

1) суффиксальный (белильня, больница, дубильня, караулка, порхалище, овчарня, купальня, медвежатник, мойка, лосятник, марочница, отстойник, садок и др.);

2) сложно-суффиксальный (шерстопрядильня, шелкопрядильня, шерстобитня, овощесушильня, плодоовощесушильня, рыбокоптильня, изба-читальня, книгопечатня, скоропечатня, нотопечатня и др.);

3) субстантивация (арестантская, булочная, ванная, гостиная, инструментальная, кондитерская, мертвецкая, механическая, учительская, ординаторская, сестринская и мн. др.).

Следует особо рассмотреть существительные данной СК, образованные сложно-суффиксальным способом. С нашей точки зрения, они являются точкой пересечения двух словообразовательных значений: «место действия» и «вместилище», поскольку первая, именная основа сложения прямо указывает не только на объект действия, но и на предмет, содержащийся в данном помещении. В данной СК сложно-суффиксальные ПС менее продуктивны, чем в СК «орудийность».

Формантное обеспечение данной СК связано прежде всего с суфф. **-льня** (фонетически **л'н'(а)**), также являющемся результатом процесса переразложения (как и суффиксы **-льник, -лк(а)**). Подобно тому как суффикс **-льник** связан с реализацией только орудийных значений, суфф. **-льня** реализует только локативные значения: **спальня, мыльня, прядильня, гранильня, ожидальня, раздевальня, мотальня, исповедальня** и мн. др.).

«Русская грамматика отмечает единственное семантически обособленное ПС с этим суффиксом: **светильня** с предметным орудийным значением [82, с. 153]. Данный суффикс реализует только производные субкатегории «место действия», причем сложно-суффиксальные локативные существительные образуются преимущественно при помощи данного суффикса. Суффикс более раннего происхождения **-ня (н'а)** дает реализации двух субкатегорий данной СК, ср: **бойня, пильня, караульня, печатня / овчарня, псарня, кумирня, курятня, кочегарня**. Таким образом, данный суффикс связывает транспозиционную и нетранспозиционную часть данной СК (отглагольное и отсубстантивное образование существительных локативной семантики).

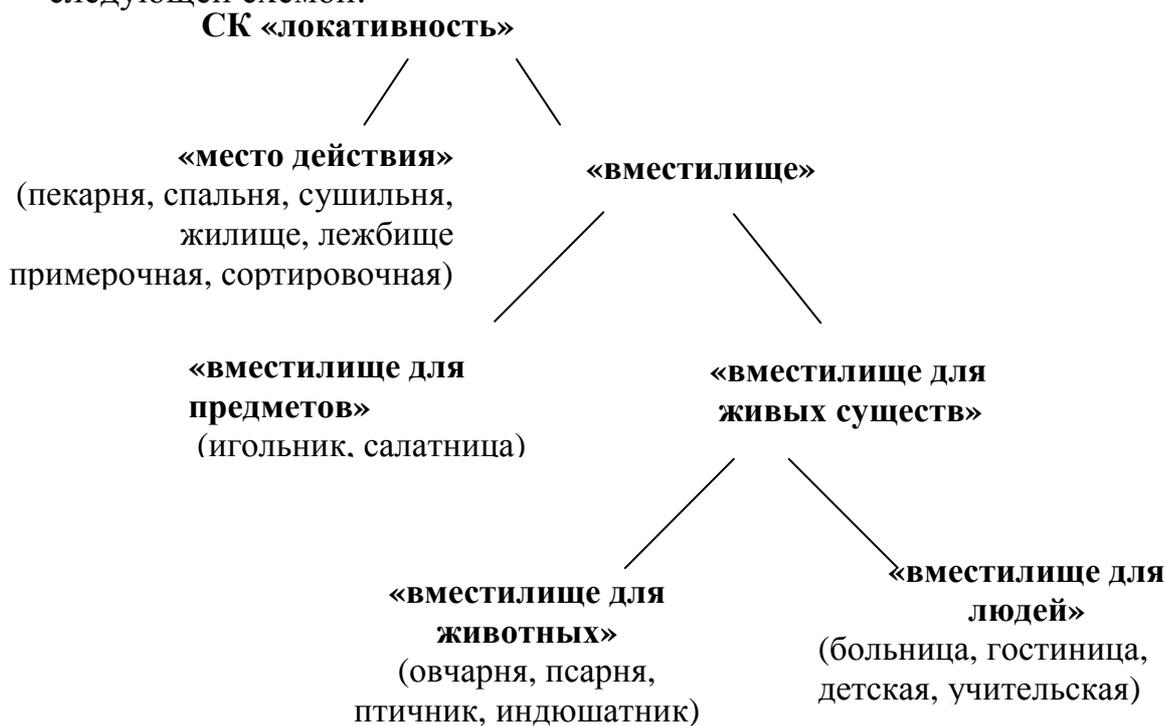
В отличие от суфф. **-льня**, дающего в лексических реализациях только отглагольные и только локативные производные, суфф. **-ня** реализует и ряд других СК: орудийности (**сходня, ступня, градирня**), производителя действия (**сводня**), результативности (**размазня**). Однако большая часть ПС с этим формантом как в транспозиционном, так и нетранспозиционном словообразовании – производные локативной семантики.

Материальная близость суффиксов **-льня** и **-ня**, их неразличимость без специального анализа в ряде лексем (ср. **пилить – пил'ня / калить – калильня**) делает эти суффиксы формантным ядром СК «локативность», внешним дифференциальным признаком ее отличия от СК «орудийность».

Другие суффиксы, реализующие СЗ «место действия», сохраняют свой синкретический характер. Например, у суфф. **-ок** локативное значение является периферийным и характерно лишь для нескольких лексем: **каток, садок** (для рыбы), **леток** – спец. «Отверстие в улье для вылета пчел». Суффикс **-лк(а)** достаточно продуктивен для реализации данного значения (**свалка, моталка, караулка, парилка** и под.).

Суффикс **-ище** в «Русской грамматике» объединяется с суфф. **-лице** и **-бище** в качестве алломорфов: «Существительные с суфф **-ищ(е) / -лиц(е) / -бищ(е)**... называют предмет (чаще всего место), характеризующийся действием, названным мотивирующим словом... Кроме слов со значением места действия, к этому типу относится несколько существительных, называющих субъект, объект, орудие действия: **страшилище, игралище, удилище, а также прозвище**» [82, с. 153].

Соотношение субкатегорий СК «локативность» может быть представлено следующей схемой:

Как видно из приведенных примеров (и подтверждается множеством других примеров), разные субкатегории СК «локативность» в лексических реализациях могут быть представлены одними и теми же формантами, например, формант **-ня** представлен в субкатегориях «место действия» и «вместилище для животных». Однако следует подчеркнуть совершенно определенную тенденцию к специализации формантов, например, субстантиваты продуктивны в субкатегориях «место действия» и «вместилище» (в лексическом толковании «помещение») для людей.

Само отнесение субстантиватов к данным субкатегориям требует определенных оговорок. Формально все они – отадъективные производные, формантом в которых служит система флексий. Субстантивированные прилагательные и причастия несут в основном те же словообразовательные значения, что и суффиксальные производные. Ср. напр., словообразовательные синонимы: **смелый** и **смельчак**, **глупый** и **глупец**, **вальцевой** и **вальцовщик**, **кофейная** и **кофейня**, **красильная** и **красильня**. Таким образом, субстантиваты в аспекте словообразовательной семантики реализуют явления расхождения формальной и семантической мотивации: слово **сортировочная** формально мотивировано прилагательным, семантически – глаголом **сортировать** и соответствует дефиниции «место, где сортируют»; **учительская** – формально также мотивировано прилагательным **учительский**, а семантически – существительным **учитель** и соответствует дефиниции «вместилище (помещение, комната) для учителей».

Именно субстантиваты ориентированы на локативные производные, связанные с семантическим полем «человек»: **сортировочная**, **разливочная**, **гримировальная**, **закусочная**, **наборная**, **разделочная** – названия места по функциональному действию, **учительская**, **ординаторская**, **профессорская**, **сестринская** – помещение для лиц определенной категории.

Следует подчеркнуть, что речь идет о самом общем признаке, объединяющем данные производные – словообразовательном значении, тогда

как в конкретных лексических значениях реализаций данных субкатегорий может возобладать иной элемент значения, например, **диспетчерская**, **парикмахерская** – это не столько помещение для диспетчеров и парикмахеров, сколько предприятие (или часть предприятия) определенного профессионального назначения, что однако, не всегда отражается в толковых словарях, ср.: **парикмахерская** – «предприятие, где бреют, стригут, причесывают и т.д.»; **диспетчерская** – «помещение для диспетчера» (Примечательно, что слово **парикмахер** семантизируется в «Словаре» С.И. Ожегова как «мастер в парикмахерской»).

В плане организации семантики ПКС через вхождение в ту или иную СК интерпретация их содержательной стороны может быть несколько иной: предмет характеризуется через избранный обобщенный ономаσιологический признак (орудийность, объектность, локативность, атрибутивность и т.д.).

Словообразовательные категории пересекают тематические группы, в результате чего многие производные совмещают в своей семантике орудийные и локативные, орудийные и атрибутивные, орудийные и объектные, атрибутивные и локативные типы отношений, что создает своеобразие внутренней формы производного слова.

В аспекте морфонологических преобразований конкретно-предметных существительных следует обратить внимание на два момента.

1. Дериваты с суфф. **-льник** (в области существительных со значением лица ему противостоит суфф. **-льщик**) **-лка** и **льня** могут быть образованы без МФП, например: кипятить – кипяtilьник, купаться – купальник, паять – паяльник, умываться – умывальник; веять – веялка, курить – курилка, поить – поилка, сеять – сеялка, сновать – сновалка, сушить – сушилка, цедить – цедилка; говорить – говорильня, калить – калильня, парить – парильня, читать – читальня и мн. др.

Из всего многообразия МФП русского языка (чередование фонем, усечение и наращение производящих основ, а также перемещение ударения с одного морфа на другой), для продуктивных СТ орудийных и

локативных существительных характерно только перемещение ударения в отдельных случаях, например, **морозить – морозильник, мазать – мазилка, гладить – гладилка** и др.

Таким образом, семантическому обособлению указанных выше суффиксов, закреплению их за производными орудийной или локативной семантики соответствует предельная четкость, расчлененность их формальной структуры, легкая выделимость и осознаваемость. Это, в свою очередь, способствует их продуктивности, активному использованию в новообразованиях.

2. С другой стороны, в некоторых случаях наблюдается «семантизация» МФП при анализе конкретно-предметных существительных древнего образования. Ср. двигатель – движитель.

Словообразовательные категории в современной дериватологии закономерно признаются одной из важнейших комплексных единиц словообразования, однако понимание их сущности и, соответственно, их дефиниции представлены в концепциях разных дериватологов по-разному. Это связано с разными представлениями о сущности словообразовательного яруса, выделением его основной единицы, соотношения словообразовательного типа и словообразовательного значения.

По отношению к словообразовательному значению нельзя признать адекватным объекту ни «суммарный», ни «разностный» подход к описанию словообразовательного значения, хотя во втором случае словообразовательное значение представлено более абстрактно, ближе к грамматическому значению, однако при любом из этих подходов словообразовательное значение оказывается «привязанным» к словообразовательному типу, то есть фактически к определенному форманту.

Для адекватного описания словообразовательного значения необходимо обратиться к общей типологии значений в применении к словообразовательному уровню (подход Е.С.Кубряковой). В основе СЗ лежат значения субъекта (агенса), объекта, орудия (инструмента), локатива,

темпоратива, пола, количества; а также трансформация этих значений через взаимодействие частей речи, то есть транспозиционные СЗ (Р.С.Манучарян). Словообразовательные значения следует рассматривать как абстрактные, обобщенные, по типу выражаемой информации близкие к грамматическим значениям, реализуемые, однако, не в составе словоформы, а в составе производного слова.

В соответствии с пониманием словообразовательного значения словообразовательные категории могут рассматриваться как совокупности однородных СТ (Е.А.Земская) или как системы словообразовательных значений, выраженных любыми видами формантов (Р.С.Манучарян). Только второй подход соответствует типу словообразовательной системы русского языка с явно асимметричным соотношением формы и содержания (одно СЗ может быть выражено разными формантами, с другой стороны, один и тот же формант может выражать разные СЗ).

Словообразовательные категории в данной работе рассматриваются как системы словообразовательных значений, выраженных теми или иными формантными средствами.

Если словообразовательный тип является основной формально-семантической единицей словообразования, то словообразовательная категория – это единица семантико-функциональная. Таким образом, с нашей точки зрения, нет противоречия между признанием словообразовательного типа основной единицей словообразовательного яруса и признанием словообразовательной категории более сложной и в то же время более абстрактной единицей этого яруса, одним из видов ономаσιологических категорий (М.Докулил).

Словообразовательные категории можно представить в виде виртуальных порождающих подсистем языка, а их лексические реализации – производные слова – целесообразно относить к лексическому уровню.

Производные конкретные существительные, несмотря на оппозицию другим классам производных слов, не представляют собой внутреннего

единства. Они принадлежат к нетранспозиционным и транспозиционным типам, отличаются разным типом идиоматичности, могут реализовывать даже грамматикоподобные неидиоматичные СТ (СК «единичность»). Однако в целом для них характерна мутация как внутреннее взаимодействие семантики производящих и словообразовательных значений.

Таким образом, несмотря на огромное, практически неисчислимое количество ПКС, их бесконечное семантическое многообразие, большое количество формантов, и, соответственно, словообразовательных типов, ПКС являются результатом функционирования трех специфических и пяти неспецифических категорий, что в полной мере эксплицирует порождающую и систематизирующую роль словообразовательного яруса по отношению к лексическому.

Центральными, базовыми специфическими СК конкретно-предметных существительных являются «орудийность» и «локативность», дающие многочисленные лексические реализации, имеющие, однако, разные наборы дифференциальных признаков и различную внутреннюю организацию.

СК «орудийность»:

1. По отношению к частеречной характеристике производных – это СК, объединяющая в лексических реализациях производные одной части речи – имена существительные.

2. По отношению к частеречной характеристике производящих – это СК, базирующаяся на одной части речи – глаголе.

3. По соотношению частеречных характеристик производных и производящих – это СК транспозиционного характера.

4. По характеру семантического соотношения между производными и производящими – это СК мутационного типа.

5. Это СК, основанная на одном типовом словообразовательном значении – «орудие действия».

СК «локативность»:

1. По отношению к частеречной характеристике производных – это СК, объединяющая в лексических реализациях производные одной части речи – имена существительные.

2. По отношению к частеречной характеристике производящих – это СК, базирующаяся на трех частях речи: глаголе, прилагательном, существительном.

3. По характеру семантического соотношения между производными и производящими – это СК мутационного типа.

4. По соотношению частеречных характеристик производящих и производных – это СК частично транспозиционного, частично нетранспозиционного характера.

5. Это СК, основанная на оппозиции и взаимодействии трех СЗ: «место действия», «вместилище предмета» и «место, покрытое тем, что названо в мотивирующей части». I и II СЗ имеют в лексических реализациях оттенок «функциональная предназначенность», что сближает данную СК с СК «орудийность».

По формантной организации СК «орудийность» реализует принцип семантического поля, ядром в данном случае служат специфические орудийные аффиксы.

СК «локативность» реализует принцип дихотомического членения, противопоставляя субкатегории «место» и «вместилище», с дальнейшим разбиением второй субкатегории. В основе данного противопоставления лежит, очевидно, оппозиция понятий «открытое пространство» - «замкнутое пространство».

Признание асимметрии как базового принципа организации планов содержания и выражения в словообразовании не отрицает возможности специализации определенных способов и формантов в связи с типов деривации и словообразовательным значением. Это подтверждается, в частности, закрепленностью личного агентивного значения за суфф. **-льщик** и орудийного значения за суфф. **-льник** (оба суффикса – позднего происхождения, образованы в результате процесса переразложения).

Это представляет определенный отход от много-многозначного принципа организации словообразовательных систем флективных языков и движение в сторону одно-однозначных отношений между формантом и СЗ, характерных для агглютинативного принципа языковой структуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Производные конкретно-предметные существительные, которые вместе с непроизводными конкретными и одушевленными существительными составляют семантическое ядро предметности, «существительности», представляют собой упорядоченный в грамматическом, словообразовательном и функциональном отношении класс лексики.

Они обладают собственным набором дифференциальных грамматических признаков (неодушевленность, парность по числу, распределение в основном между мужским и женским родом, наличие расчлененной семантической структуры и внутренней формы). С нашей точки зрения, большую определенность категориальному значению «предметность» и, следовательно, существительному как части речи в русском языке придают субстантивные словообразовательные категории и их лексические реализации, особенно производные, включающие суффиксальный формант, сопряженный, как известно, с системой флексий, через которую выражаются и категориальные, и частнограмматические значения.

Словообразовательные категории конкретных имен существительных представляют собой часть порождающей системы, воплощенной в словообразовательном ярусе русского языка. Производные конкретно-предметные существительные распределяются по пяти неспецифическим (эти СК пересекаются с СК личных, вещественных, абстрактных существительных) и трем специфическим СК, дающим в качестве лексических реализаций только конкретно-предметные существительные.

Словообразовательная категория рассматривается в данной работе как основная семантико-функциональная единица словообразовательного яруса, как система словообразовательных значений, выраженных формантными средствами. Проведенное исследование подтвердило нецелесообразность ограничения словообразовательных категорий одним способом

словообразования, так как большая часть рассмотренных СК реализует производные при помощи суффиксального и сложно-суффиксального способов.

Специфической чертой производных конкретно-предметных существительных является двойственность их семантической структуры, наличие в ней денотативных и сигнификативных компонентов семантики. Как единицы собственно предметной лексики, они распределяются по десяти тематическим группам. Как производные слова, они распределяются по строго ограниченному числу СК, причем пересечение тематической принадлежности и словообразовательного значения создает специфику внутренней формы данного разряда лексики.

Производные конкретно-предметные существительные характеризуются спецификой мотивов номинации, отличающих от производных наименований лиц, зоонимов, фитонимов.

В аспекте денотативной принадлежности специфические СК конкретных существительных – «орудийность» и «локативность» – пересекаются с неспецифическими – «результативность», «производитель действия», «носитель признака» и «предмет по отношению к другому предмету», включающими как одушевленные, так и неодушевленные существительные

Исследование системы значений, объединенных в словообразовательные категории «орудийность» и «локативность», в соотношении с их формантными реализациями продемонстрировало асимметричность формального и семантического планов русского словообразования. Вместе с тем подтвердилась тенденция к агглютинации в русском словообразовании, отмеченная В.В.Лопатиным. Несмотря на огромное количество производных конкретных существительных, многопризнаковость их семантики, их тематическое разнообразие, их основная часть распределяется по десяти тематическим группам и восьми словообразовательным категориям.

Продуктивность производных конкретных существительных, прежде всего лексических реализаций СК «орудийность» и СК «производитель действия», обусловлена по преимуществу экстралингвистическими факторами: она отражает высокий уровень развития техники и технологий, присущих нашей цивилизации, широчайшее разветвление всех направлений человеческой деятельности, максимальную замену человека орудиями в процессе производства. Вместе с тем она отражает и основные закономерности деривационных процессов в русском языке.

Следует, однако, отметить определенную тенденцию к унификации моделей новых наименований в предметной области. В целом система субстантивных словообразовательных категорий предстает как порождающая и систематизирующая лексику активная функциональная система.

Проведенный анализ показал семантическую значимость не только категории одушевленности, но и категорий числа и рода в разграничении не только разрядов существительных, но и их внутренней формы.

Категория рода в русском языке в определенной степени является семантически нагруженной не только по отношению к одушевленным существительным, но и к неодушевленным конкретным именам функциональной семантики, в которых средний род оказывается непродуктивным.

В проанализированном материале встречается немало «мнимых» корреляций по роду, которые отражают либо грамматическую вариативность, либо различия в лексическом значении.

По нашему мнению, следует особо подчеркнуть, что словообразовательная категория – это не конвенциональное понятие, не прием лингвистического описания, как она рассматривается в некоторых современных дериватологических исследованиях, а объективно существующая в сознании носителей языка языковая категория, единица порождающей номинативной системы языка.

Исследование системы значений, объединенных в словообразовательные категории «орудийность» и «локативность» в соотношении с их формантными реализациями продемонстрировало асимметричность формального и семантического планов русского словообразования, иначе – многозначные отношения формы и содержания: одно словообразовательное значение может выражаться разными формантами, с одной стороны, а с другой – один и тот же формант может быть выразителем разных словообразовательных значений. Например, суфф. **-лка** используется и как продуктивнейший суффикс СК «орудийность» (в том числе и в разговорной речи) и как весьма частотный суффикс СК «локативность» (в зоне стилистически сниженных наименований).

Однако подтвердилась и тенденция к агглютации в русском словообразовании, отмеченная В.В.Лопатиным: суффиксы **-льщик**, **-льник**, **-льня** фактически стали однозначными, закрепившись соответственно за названиями лица, действующего предмета, места.

РАЗДЕЛ 3. КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Дайте определения словообразовательного значения, словообразовательного типа и словообразовательной категории.
2. Назовите дифференциальные признаки производных конкретно-предметных существительных.
3. Перечислите тематические группы производных конкретно-предметных существительных.
4. Перечислите словообразовательные категории производных конкретно-предметных существительных.
5. Распределите производные слова, относящиеся к ТГ «Инструмент», по словообразовательным типам и словообразовательным категориям.
6. Распределите производные слова, относящиеся к ТГ «Инструмент», по мотивам номинации. Какие особенности внутренней формы данных производных Вам удалось выявить?
7. Распределите производные слова, относящиеся к ТГ «Средство», по словообразовательным типам и словообразовательным категориям.
8. Распределите производные слова, относящиеся к ТГ «Средство», по мотивам номинации. Какие особенности внутренней формы данных производных Вам удалось выявить?
9. Распределите производные слова, относящиеся к ТГ «Помещение», по словообразовательным типам и словообразовательным категориям.
10. Распределите производные слова, относящиеся к ТГ «Помещение», по мотивам номинации. Какие особенности внутренней формы данных производных Вам удалось выявить?
11. Распределите производные слова, относящиеся к ТГ «Место», по словообразовательным типам и словообразовательным категориям.
12. Распределите производные слова, относящиеся к ТГ «Место», по мотивам номинации. Какие особенности внутренней формы данных производных Вам удалось выявить?

13. Распределите производные слова, относящиеся к ТГ «Дом, жилище», по словообразовательным типам и словообразовательным категориям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание родины, свобода и благополучие народа. – Ташкент: Узбекистан, 2000. – С. 55.
2. Каримов И. А. Идея национальной независимости: Основные понятия и принципы. – Ташкент: Узбекистан, 2003. – 80 с.
3. Абдуазизов А.А., Зализняк А.М., Шереметьева А.Г. Общее языкознание. Учебник для филологических факультетов.– Ташкент: НУУз, 2003.– 162 с.
4. Абдурахманова А.К. Способы номинации лиц как отражение языковой картины мира в узбекском и русском языках. – Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – Ташкент, 2007. – 24 с.
5. Азарх Ю.С. О связи словообразования с морфологическими категориями // Проблемы структурной лингвистики 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 35-49.
6. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 350 с.
7. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 364 с.
8. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. – Т. I: Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
9. Апресян Ю. Д. – <http://proling.iitp.ru/personal/apresjan/index.html>
10. Араева Л.А. Словообразовательный тип: к проблеме определения // Проблемы русистики. – Томск, 2000. – С. 57-58.
11. Араева Л. А. Словообразовательный тип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 272 с.

12. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // *Аспекты семантических исследований*. – М.: Наука, 1980. – С. 156-225.
13. Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. – 170 с.
14. Белякова Г.В. Словообразовательная категория как дериватологическая проблема // *Изв. Рос. госпедуниверситета. Сер. общественные и гуманитарные науки*. – СПб, 2008. – С. 70-76.
15. Белякова Г. В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке: Автореф. дисс... докт. филолог. наук. – Волгоград, 2008. – 38 с.
16. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 615 с.
17. Борисова Т.Г. Словообразовательная категория суффиксальных вещественных имен существительных с мутационным значением: Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – Ставрополь, 2000. – 22 с.
18. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
19. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Наука, 1986. – 640 с.
20. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 450 с.
21. Волоцкая З. М. Опыт описания одной словообразовательной категории (на материале производных названий места) // *Актуальные проблемы русского словообразования*. – Ташкент: ТГПИ, 1975. – С. 351-355.
22. Гак В. Г. К типологии лексических номинаций // *Языковая номинация. Общие вопросы*. – М.: Наука, 1977. – С. 230-293.

23. Грязнова В.М. Словообразовательная категория личных суффиксальных существительных мужского рода в русском литературном языке XIX века: Автореф. дисс...докт. филолог. наук. – СПб., 1993. – 32 с.
24. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
25. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. – М.: Русский язык, 1980. – 253 с.
26. Долгополова Е. П. Функционально-семантическое поле орудийности в современном русском языке. – Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – Ташкент, 1988. – 19 с.
27. Долженко Н. Г. Глагол и отглагольный именной дериват: сравнительный анализ // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст: Материалы расширенного заседания теоретического семинара «Русский глагол», 29 сент. – 1 окт. 2004г. [Интернет-ресурс: <http://mmj.ru/index.php?id=44&article=3551>].
28. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М.: Русский язык, 1984. – 151 с.
29. Задорожный М.И. Словообразовательная категория как родовое понятие // Актуальные проблемы русского словообразования. – Елец: ЕГУ, 2001. – С. 162-165.
30. Зализняк А.М., Шереметьева А.Г., Щитка Н.Н. Словообразование современного русского языка. – Ташкент, НУУз, 2005.– 63 с.
31. Зализняк А.М., Елмуратова С.А. Словообразовательные значения и категории в разносистемных языках // Преподавание языков. - №1. – Ташкент, 2006. – С. 21-27.
32. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
33. Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 237-339.

34. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
35. Кадькалова Э.П. Развитие отношений между словообразовательными моделями одной семантико-словообразовательной категории // Исследования по историческому словообразованию. – М.: РАН, 1994. – С. 92 - 95.
36. Китайгородская М.В. Словообразование и лексика // Современный русский язык. Словообразование: проблемы и методы исследования. – М.: Академия наук, 1988. – С. 62-70.
37. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1986. – 280 с.
38. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. – Ташкент: Фан, 1978. – 225 с.
39. Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 99-146.
40. Копыленко М.М. Генераторы отглагольных агентивных существительных русского языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. – С. 504-521.
41. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
42. Кубрякова Е.С. Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем русского языка // Сопоставительное изучение славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 39-46.
43. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.
44. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения: научное издание. – М.: РАН, 1997. – 326 с.

45. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 561 с.
46. Кубрякова Е.С. К построению типологий словообразовательных категорий // Актуальные проблемы современного словообразования: Тр. Междунар. науч. конф. / Том. гос. ун-т. – Томск: ТГУ, 2006. – С. 90-96.
47. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – 2-е изд., доп. – М.: ЛКИ, 2008. – 208 с.
48. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Переводы с англ., нем., фр., польск. – Биробиджан: Тривиум, 2000. – 490 с.
49. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. – М.: Наука, 1977. – 315 с.
50. Маменко Н.П. Семантическая структура названий орудий в современном русском языке. – Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – М., 1987. – 18 с.
51. Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. – Ереван: Луйс, 1981. – 312 с.
52. Манучарян Р.С. Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 53-58.
53. Милославский И.Г. Проблемы словообразовательного синтеза. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
54. Мурясов Р.З. Структура словообразовательных полей лица и инструмента в современном немецком языке // Вопросы языкознания. - № 4. – М., 1972. – С. 50-55.
55. Мурясов Р.З. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи // Вопросы языкознания. – М., 1976. - № 5. – С. 126-138.
56. Нагель О.В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики : Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – М., 2005. – 21 с.

57. Нецименко Г.П. К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. - М.: Наука, 1994. – С. 96-99.
58. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск: Высшая школа, 1985. – 158 с.
59. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 169 с.
60. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982. – 372 с.
61. Осильбекова Д.А. Семантическая структура отглагольных локативных существительных и принципы их семантизации в толковых словарях русского языка. – Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – Ташкент, 1986. – 21 с.
62. Осильбекова Д.А. Словообразовательные категории // Современный русский язык. Словообразование: проблемы и методы исследования. – М.: Академия наук, 1988. – С. 32-37.
63. Петрова Н.Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка: Автореф. дисс... докт. филолог. наук. – М., 2009. – 38 с.
64. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: РАН, 2001. – 316 с.
65. Позднякова Е.М. Функционирование словопроизводственной модели (на материале существительных, обозначающих конкретные неодушевленные предметы): Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – Воронеж, 1987. – 22 с.
66. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Наука, 1976. – 614 с.
67. Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. – М.: МГУ, 1969. – 120 с.
68. Русская грамматика Т. I. – М.: Наука, 1980. – 783 с.

69. Русская грамматика / Под ред. В. В. Лопатина и Н. Ю. Шведовой («Краткая русская грамматика»). – М.: Русский язык, 1990. – 640 с.
70. Семантические вопросы теории словообразования. Производящее слово. – Томск: ТГУ, 1991. – 293 с.
71. Соболева П.А. Словообразовательная синонимия и полисемия. – М.: Наука, 1980. – 294 с.
72. Современный русский язык / Под ред. О.М.Ким. – Ташкент: Укитувчи, 1992. – 239 с.
73. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Избранные труды по языкознанию. – С. 31-273.
74. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
75. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, глаголы. Семасиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
76. Судаков Г.В. Предметно-бытовая лексика в ономасиологическом аспекте // Вопросы языкознания. – № 6. – М., 1986. – С. 108-114.
77. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 129-221.
78. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 640 с.
79. Тихонов А.Н. Системное устройство русского словообразования // Современный русский язык. Словообразование: проблемы и методы исследования. – М.: Академия наук, 1988. – С. 71 – 75.
80. Улуханов И.С. Словообразовательные отношения между частями речи // Вопросы языкознания. – 1974. – № 4. – С. 58 – 63.
81. Улуханов И.С. Русская словообразовательная семантика и принципы её описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
82. Улуханов И.С. Грамматический род и словообразование. // Вопросы языкознания. – № 5. – М., 1988. – С. 107-122.

83. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: РАН, 1996. – 222 с.

84. Уфимцева З.А. Типы языковых значений // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1988. – С. 120-138.

85. Харитончик З.А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование. – Минск: МГЛУ, 2004. – 367 с.

86. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – 387 с.

87. Щитка Н.Н. Внутренняя форма производных слов (на материале окказионализмов): Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – Ташкент, 1997. – 22 с.

88. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

89. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск: ТГУ, 1979. – 230 с.

90. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. – I. – Praha, 1962.

91. <http://www.dissros.ru/zakaz/pk-198883.html>

92. <http://www.filologia.su/slovoobrazovanie>

93. <http://www.lingvotech.com>

СЛОВАРИ

94. Большой толковый словарь современного русского языка / Глав. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2002. – 1535 с.

95. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.

96. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008 (электронное издание). – 594 с.

97. Морковкин В.В. Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь. – М.: Русский язык, 1984. – 1668 с.

98. Немченко В.Н. Основные понятия словообразования в терминах. Словарь - справочник. – Красноярск: КГУ, 1985. – 204 с.
99. Новое в русской лексике. Словарные материалы. – М. – СПб. - 1978 – 2004.
100. Обратный словарь русского языка. – М.: СЭ, 1974. – 944 с.
101. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
102. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 60000 слов и фразеологических выражений. – М.: Оникс, 2007. – 1328 с.
103. Словарь русского языка в 4-х тт. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т. 1 – 699 с. Т. II – 736 с. Т. III – 750 с. Т. IV – 796 с.
104. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х тт. – М.: Русский язык, 1985. – Т. I - 856 с. Т. II – 887 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ	
СЛОВА	6
1.1. Концепция внутренней формы языка В. фон Гумбольдта	6
1.2. Учение о внутренней форме слова А.А.Потебни	9
1.3. Современные концепции внутренней формы слова	13
РАЗДЕЛ 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ КОНКРЕТНОГО ПРЕДМЕТА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	26
2.1. Дифференциальные признаки производных конкретных существительных	26
2.2. Тематические группы производных конкретно-предметных существительных	30
2.3. Словообразовательные категории конкретно-предметных существительных	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
РАЗДЕЛ 3. КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ...	71